

Нина
Халикова

Сумерки богов

Нина Халикова
Сумерки богов

2020

УДК 821.161
ББК 84(2=411.2)6

Халикова Н. Н.

Сумерки богов / Н. Н. Халикова — 2020

ISBN 978-5-6044886-0-7

В новом интригующем романе петербургской писательницы Нины Халиковой всё подчинено главной мысли о тяжести кровных уз и о разности судеб родных по крови людей. Автор предлагает вспомнить читателю не только многие прежние, но и древние классические тексты на тему отношений между братьями разной веры, разного места и времени жительства. На этот раз фантазия автора породила двух братьев близнецов, – близнецов, так и не ставших друг другу близкими. О странном соперничестве – родом из детства, – которому братья посвятили всю свою недолгую жизнь. Их историю и узнаёт некий писатель от случайного попутчика, с которым его свёл авиарейс на далекий заграничный курорт...

УДК 821.161
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-6044886-0-7

© Халикова Н. Н., 2020

Нина Халикова

Сумерки богов

© Н. Н. Халикова, 2020

© АНО ДПО «ИМИК», 2020

Вместо предисловия

ТРАГИЧЕСКОЕ БРАТСТВО КРОВИ

Не без некоторого трепета рецензент приступает к анонсированию текста книги петербургского автора и известного практикующего психолога. Название романа «говорит» само за себя. Оно явно рассчитано на читателя, который знаком с фильмом Лукино Висконти 1969 года и оперой Рихарда Вагнера, сочиненной полтора столетия назад. Правда, в обоих случаях названия переводятся как «Гибель богов». То есть нечто вполне трагическое и конкретное. Тогда как слово «сумерки», скорее, намекает на некоторое переходное состояние. И в этом – весь авторский шарм Нины Халиковой. Ей чужда конкретность бытовых реалий и широкий геополитический контекст того, что творится на страницах ее книг с персонажами. Будь то мир балетных див, скандинавские страсти девятого века нашей эры или знакомый автору мир психологов-консультантов.

Профессия – лишь повод для социализации героев текстов Нины Халиковой, которая не стремится очаровать своего потенциального читателя изяществом интриги или остроумием афоризмов житейской мудрости. Судя по всему, автор романа «Сумерки богов» за годы знакомства с людскими проблемами и намучавшись с поисками их решения, осознала одну непреложную истину, характерную и для врачевания людских душ, и для создания текстов, явно или тайно отражающих раздумья о том, что есть человек, какова его природа. И почему он поступает так или иначе.

Писать об этом невероятно трудно. Это все равно, что решить бином Ньютона. Но поскольку у рецензента знания об этой сфере человеческого ума ограничены тем, что он узнал в средней школе с преподаванием ряда предметов на английском языке, то сравнения из царства точных наук оставим в стороне. Хотя, если мы спросим о том, является ли психология точной наукой, то, допуская, что автор нескольких романов Нина Халикова ответит утвердительно. Она практически не останавливает внимание читателя на бытовых деталях и эмоциональных переживаниях в мелодраматическом духе. Ум с сердцем у ее персонажей если и не в ладу, то вполне дополняют друг друга, как источники мыслей и поступков. То есть реакции героев гораздо шире, чем простые рефлекторные отклики на уровне первой сигнальной системы. Ведь есть же у человека и вторая сигнальная система, которая, в конце концов, и отвечает за его ум и сознание.

Видимо, жизненный и творческий опыт подсказали Нине Халиковой варианты поисков решений тех проблем, с которыми любой человек так или иначе сталкивается на протяжении всего своего земного пути. Корни большинства из них уходят в ту почву, которая на языке обыденности зовется «семьей», или тем, что мы понимаем под этим словом. Недаром словосочетание «семейные узы» воспринимаются временами с некоторой негативной коннотацией, как нечто связывающее индивидуума по рукам и ногам.

А, с другой стороны, мы сами, с возрастом, понимаем: как хорошо иметь подобные «узы», то есть тот самый узкий круг людей, которые близки тебе и дороги. Однако именно здесь и кроется порою, по версии Нины Халиковой, опасность неадекватной оценки степени доверия

между родственниками. Повторимся, что эти ловушки жизни и чувств возникают, как кажется, против воли персонажей книг, и автор вроде бы здесь ни при чем. И в то же время писатель, слагающий фабулу новой книги, представляющий себе КАКИМИ людьми являются ее герои, не может не понимать: слишком тесное сближение в житейском плане может стать триггером для последующих, отнюдь не бытовых проблем.

Все эти предостережения со стороны рецензента и автора данного анонсирующего текста по поводу романа Нины Халиковой «Сумерки богов» происходят от того, что он уже прочел текст и ему известна развязка, которая заставляет вспомнить многие прежние и древние классические тексты на тему отношений между братьями разной веры, разного места и времени жительства, не говоря уже о количестве тех самых братьев. Нынче фантазия автора романа породила двух братьев. Их историю и узнает некий писатель от случайного попутчика, с которым его свел авиарейс на далекий заграничный курорт (понятно, что все случилось в докарантинную эпоху).

Подобная композиция – давняя традиция мировой литературы. Она напоминает формат такого «шкатулочного романа», когда внутри одной, главной сюжетной линии появляются время от времени иные новеллы. Они могут быть связаны с отношениями доминирующих действующих лиц, а могут быть интересны сами по себе. Объем созданного Ниной Халиковой текста не так велик, чтобы отвлекать читателей в сторону. Здесь все подчинено главной мысли о тяжести кровных уз и о разности судеб родных по крови людей.

Проницательный читатель имеет шанс догадаться, что причиной конфликта между братьями все-таки станет женщина. Я специально не упоминаю имен всех трех факторов романной фабулы, дабы раньше времени те, кто соберется читать книгу Нины Халиковой, не впали в грех предвзятого ожидания. Намекну лишь, что у братьев – совершенно разные профессии и соответственно – образ жизни. Также, как абсолютно другая профессия и той самой прекрасной дамы, из-за которых и случаются в романе напряженные, как вольтова дуга, отношения. В конечном счете, можно все списать на трагический рок судьбы, и на то, что доводы рассудка и моральных обязательств никоим образом не смогли встать непреодолимым препятствием для обоих братьев. Первая сигнальная система оказалась сильнее. Братство по крови вместо фактора сдерживания стало фактором психологической провокации.

Здесь я уже вступаю на территорию интересов самого автора Нины Халиковой, которая, быть может, вне текста и произвела бы интегральное психологическое исчисление причин развернувшегося конфликта. Возможно, что и, получив на консультацию одного из двух братьев, и подсказала бы варианты выхода из поля напряжения в область освобождения и релакса от мучающих томлений и устремлений. Но это уже мои домыслы, как автора, знающего предыдущие тексты писателя Халиковой, среди которых «Жребий», «Желания требуют жертв», «Северная Феда».

Каждое из этих названий обозначает вполне конкретную ситуацию и вполне конкретный конфликт, в том числе и на историческом материале. Тем не менее, мысль писательницы никогда ранее не устремлялась туда, где не место нам смертным. И где вполне комфортно чувствуют себя те, кто уже несколько тысяч лет подряд связывают вместе судьбы людей, живущих на земле. Так и рождаются в нашем житье-бытье те самые семейные узлы, которые могут стать теми узлами, которые порою невозможно никак развязать, а можно только разрубить.

А для того, чтобы читатели со старта чтения текста осознали: ЧТО ждет их впереди на страницах текста, Нина Халикова предлагает эпиграф (что, впрочем, всегда есть отличительный знак ее сочинений). Имеющий глаза, да увидит. Имеющий ум, да поймет. А вот каково будет настроение такого читателя после того, как он перевернет последнюю страницу романа Нины Халиковой, не берусь судить. Потому что тем он и хорош, что из него можно вычитать то, что срезонирует в душе и уме прочитавшего. Правда, у каждого это впечатление будет личным. Я бы даже сказал – «очень личным». Недаром литература и психология так часто идут

рука об руку с тех пор, как на пути человеческой цивилизации появились книги. Теперь у нас их стало на одну больше.

Сергей Ильченко

*доктор филологических наук, профессор ВШЖиМК СПбГУ, главный редактор
газеты «Культурный Петербург», обозреватель радио «Петербург»*

*...Каждый пред богом
наг.*

*Жалок,
наг
и убог.*

*В каждой музыке
Бах,*

*В каждом из нас
Бог.*

*Ибо вечность —
богам.*

*Бренность —
удел быков...*

*Богово станет
нам*

Сумерками богов...

И. Бродский

Холодный нескончаемый дождь лил, почти не переставая, целых двенадцать недель. Стоял конец декабря, а снега всё ещё не было, зато сильнейшие ветра и ливни ежедневно одолевали человеческие души. Временами мне казалось, что я совсем позабыл, как на самом деле выглядят солнечные лучи, и что теперь мой скромный удел – смотреть на непробиваемый, тоскливый, беспредельный, каменный свод тёмно-серых туч, созерцать лишь эту непреодолимую преграду, способную кого угодно довести до бешенства.

Будь я в другом состоянии духа, возможно, я не придавал бы значения погоде, но... Так уж получилось, что моя возлюбленная причинила мне боль, предпочла мне другого мужчину, и я остался один, оплакивая два с половиной года, выброшенные из жизни. Апоплексического удара со мной, разумеется, не случилось, но все мои внутренние органы в одночасье превратились в грусть, в тоску, они как будто разбухли, захватили всё пространство моего тела и порой даже мешали мне дышать и двигаться. Умом я понимал, что женщины давно махнули рукой на приличия и честность, однако же, на свою беду, я так и не научился относиться к жизни с мудростью, смиренно принимать данность как абсолют, кроме того, я не научился терять, не испытывая при этом горечи. Хотя для того чтобы потерять, для начала надо бы обладать, а чем мы в жизни обладаем? Да ничем. Разве что собственной иллюзией.

Итак, час назад, без всякой предотъездной суеты, я закрыл дверь своего пустого дома, сел в такси и приехал в аэропорт. Идея отправиться в путешествие – улететь на другой конец света, провозгласить ва-банк, исправить несправедливость судьбы и скоропалительно начать всё сначала – показалась мне единственно верной и легкоосуществимой. Да, я ревновал, ревновал мучительно, и полагал, что найду утешение от перемены места и окружения, что выдержу эту лютейшую муку, не надломлюсь и выйду живым из боя. К чему мне испытывать судьбу в четырёх стенах с бесовскими мыслями в голове? Ревность сложна и многослойна, но всегда плохо пахнет, и если уж подцепил её, как дурную болезнь, то лучше удалиться подальше, пока не излечишься до конца, дабы не отталкивать окружающих. Ревность, как известно, и ослепляет,

и будоражит воображение, и лишает нас разума, но доставляет и тайное удовольствие. Что за удовольствие? Очень просто: удовольствие от предвкушаемой мести, от тех мук, например, которым я подвергну свою бывшую возлюбленную, и ещё оттого, что рогоносец имеет полное право превратить свою жизнь в груды дымящихся развалин (хотя в мужской среде и принято считать: от девок рога не растут). Увещевания же разума о том, что всё пройдёт, всё забудется, не приносили никаких плодов.

Всё бы ничего, но сегодня меня удивляло то, что я не в состоянии объяснить свои чувства; с одной стороны, я хотел поскорее рухнуть в беспмятство от гнетущего меня позора унижения, но с другой – тут же мечтал увидеть свою бывшую возлюбленную и заключить с ней перемирие. Такая раздвоенность вызывала у меня недоумение, возмущение и злость на самого себя: я топал ногами, сжимал кулаки, мучился бессонницей, просыпался среди ночи в холодном поту, хотел наделать бог знает чего и потом остаток дней терзаться угрызениями совести.

Почему с необъяснимой настойчивостью мы желаем именно того, в чем нам отказано? Хороший вопрос, но прямо сейчас я отвечу на него едва ли. Препарировать свои чувства я пока не осмеливался и потому, немного поразмыслив, решил улететь куда-нибудь от греха подальше, а возвратившись из странствий, обратить свой взор к делам более приземлённым и полезным, нежели душевные терзания.

Разумеется, я нисколько не ополчился на всю женскую половину человечества, наоборот, я был почти уверен, что мир полон милых и добрых женщин, только мне они почему-то не попадаются, словно высшая сила наблюдает за мной с высоты и едва лишь завидит честную бескорыстную женщину, идущую мне навстречу, как сразу же направляет мой взор в противоположную сторону. Вот такая серьёзная расплата за недостаток ума. Видимо, поэтому я остался один-одинёшенек без родственной души и без единой надежды в кармане. Впрочем, никто не знает, что такое родственная душа. Очередная подслащённая пилюля? Разве существуют родственные души? Бывают одинаковые желания, сходные мысли и рассуждения, а мы их ошибочно принимаем за родство душ. Почему? Просто нам так хочется думать, просто нам хочется что-то себе объяснить, взять под контроль, по возможности остановить текучесть времени и бытия и хоть так защитить себя от их неизбежной переменчивости. Увы, мы хотим зафиксировать счастливый момент и не хотим думать о том, что рано или поздно он пройдёт. Мы хотим остаться в нем если не на всю жизнь, то хотя бы на долгие годы; и мы растягиваем его, как жвачку, в своём воображении. Зачем мы постоянно мысленно возвращаемся в то, чего нет? Мы не устаём скорбеть не только о горе, но и о счастье, воскрешаем приснившуюся, неуловимую и быстротечную любовь и восхищаемся её красотой. Похоже, мы просто не хотим знать, что любить – это больно, что желания исчезают, что мысли то и дело меняются, рассуждения становятся другими, и некогда близкий родной человек превращается не просто в чужого, а в почти незнакомого, и с этим ничего не поделаешь. Мы отвергаем тотальное одиночество, на которое обречены, и готовы поверить во что угодно: в любовь и верность до гроба, в родство душ и в их соединение, в вечную молодость и прочие химеры, ставшие нашей метафизикой, нашей первой аристотелевской энтелехией, лишь бы унять тревогу, вызванную одиночеством. И нас нельзя в том винить, ведь мы всего лишь люди, которые ищут поддержку в себе самих. Так нам легче жить, так нам подсказывает наш инстинкт самосохранения вперемешку с эгоизмом, а это куда более могущественные советники, нежели все мудрые мудрости, вместе взятые. Просто мы не хотим чувствовать себя булыжниками, летящими в бездну, мы всего-навсего устали от неопределённости и зыбкости нашей жизни, вот и придумываем себе разные подбадривающие снадобья. Пусть они немного напыщенны и не всегда просты, но ничего страшного в них нет...

Куда и зачем я лечу, я не имел понятия, но был почти уверен, что толковое путешествие по восхитительным местам, морские волны, слепящее солнце, тропическое лето, нежно-зелёные гребни гор и все неперменные атрибуты приличного отдыха способны вновь соединить

обречённые на умирание, разбившиеся и разлетевшиеся частицы моего «я» и заново оживить меня.

Говорят, что тот, кто ничего не удерживает, как раз всем и обладает. В философском смысле звучит довольно красиво, но только в философском... Надо сказать, я в своей жизни никого и ничто не удерживал, – видимо, потому ничем и не обладаю, и никакой особой красоты в том не нахожу. Иногда по наивности мне казалось, что если судьба наказала тебя разок-другой, то потом она непременно должна побаловать. Возможно, я заблуждался на её счёт. Ничего она мне не должна и, судя по всему, баловать меня не собирается. Надо бы хорошенько об этом поразмышлять, тем более что впереди у меня почти десять часов полёта, где никто не потревожит мои рассуждения в этих дебрях.

* * *

Видимо, из-за дождя самолёт задерживали, и у стоек регистрации выстроилась длинная очередь.

– Почему не начинаете регистрацию? – спросил я у стандартно красивой девушки в лётной форме, сидящей за стойкой.

– У нас проблема со взлётно-посадочной полосой.

– Какая?

– Ливень. Вся полоса забита самолётами, готовыми к взлёту, – девушка сочувственно улыбнулась и добавила извиняющимся тоном: – Боюсь, мы не сможем вовремя подняться в воздух.

Аэропорт быстро заполнялся людьми и был похож на взвинченный улей. В центральном зале чувствовалось напряжение, со всех сторон доносились возбуждённые возгласы и детские крики. Обеспокоенные пассажиры с плоскими чемоданами и выпуклыми сумками толпились во всех залах ожидания, проходах, во всех коридорах, ресторанах, во всех мыслимых и немыслимых закутках, в магазинчиках с детективными романами, сувенирами и водкой. Люди собирались в кучки, потом разбредались в разных направлениях и вновь собирались у информационных табло в надежде увидеть на нём светящуюся надпись: «Посадка».

Я же, как бравый солдат или странствующий рыцарь, долго бродил по разным дорогам, купил какую-то книжицу с кричащей обложкой и встал у огромной стеклянной стены. Ветер завывал на разные голоса. Дождь лил с такой силой, что, кроме расплывчатых огней прожекторов и размытого силуэта самолёта, похожего на Ноев ковчег, ничего невозможно было разглядеть. Стекло серебрилось переливчатыми стекающими струйками. Тут же, рядом со мной, в эту темноту, напоённую дождём и ветром, вглядывалось множество глаз, утомлённых ожиданием.

Спустя несколько мгновений позади я услышал какое-то шарканье и оглянулся. Передо мной стоял высокий сутулый мужчина, напоминающий худого тюленя в дорогом обтягивающем костюме.

– Летите один в тёплые края, к игуанам в гости? – непринуждённо спросил мужчина, словно был моим знакомым. Голос у него оказался сильным, низким и довольно уверенным.

Вместо ответа, я лишь утвердительно кивнул головой, явно показывая, что не расположен к разговору.

– Жаль, что рейс задерживают, но, как говорится, плохая погода – это ещё не несчастье, – не обращая внимания на мою реакцию, продолжал он. – Кстати, на втором этаже есть неплохой ресторанчик, не составите ли мне компанию?

Вопрос повис в воздухе. Я посмотрел на мужчину, не совсем понимая его. Холёное лицо, бледно-голубые глаза, на вид лет тридцать пять – тридцать шесть, то есть одного со мной возраста, но почему-то он говорил со мной так, будто бы великодушно оказывал мне своё покрово-

вительство. Я сделал нетерпеливое движение, собираясь уйти, он это заметил и поспешно сказал:

– Не подумайте ничего такого, я в том смысле, что дорога объединяет, не так ли?

– Пожалуй, вы правы, – нехотя согласился я, покачался на подошвах, скептически скривился, но принял приглашение. В такие моменты можно посмеяться над собой.

Пока мы поднимались по эскалатору, он как бы между прочим заметил:

– Хочу рассказать вам одну историю.

– Простите? – я сделал вид, что не понял этого несчастного, ибо на ипохондрика он не был похож, а счастливые люди не торопятся рассказывать истории первым встречным незнакомцам в аэропорту.

– Видите ли, я узнал вас, – он небрежно поклонился. Казалось, он наслаждается звуком собственного голоса. – Вы – писатель.

– И что же? – спросил я, в душе надеясь, что он воздержится от порицаний или восхвалений моих скромных трудов.

– Я читал ваши книги... – он немного помедлил, – недурно, весьма недурно, и даже похвально. Вы знаете своё дело; я бы даже сказал: у нас с вами есть нечто общее.

Ну вот, нате вам. Моя голова тут же болезненно заныла. Я решил не задавать вопросов, искренне мечтая, чтобы он от меня отстал. Но не тут-то было!

– Вам нравятся ваши книги, господин писатель?

Этот вопрос я тоже предпочёл оставить без ответа, потому что, признаюсь, временами занимался самоуничижением, жалел о написанном, ругал себя и жаждал всё уничтожить. Правда, когда писал, то порой парил где-то в поднебесье и почти чувствовал себя писателем.

– Видите ли, уважаемый, мне кажется, что люди искусства, равно как и представители пишущей братии, лгут, что якобы недолюбливают свои творения, – довольно бесцеремонно продолжил мужчина. – Если бы это было так, то они бы их уничтожали, да и всё. А нет же. Они их берегут, потому что любят, как самих себя, потому что в них есть частичка их самих. Что скажете?

Я не решился спорить с этим утверждением и промолчал. Мой собеседник несколько не удивился отсутствию ответа и заявил:

– Полагаю, вы не откажетесь меня выслушать.

Тишина с моей стороны.

– Три тысячи извинений, но скажите на милость, зачем вам сочинять историю, выдумывать характеры, толковать несуществующие образы и судьбы? Достаточно не побрезговать мной как рассказчиком, проявить заинтересованность – и вот вам готовый роман и все жизненные удобства. Я вам его, можно сказать, преподнесу на блюдечке. Детально и точно. А вы напишете Книгу с заглавной буквы. Нельзя же пренебрегать тем, что само плывёт тебе в руки.

– Неужели?! – не выдержал я. Его слова показались мне чрезмерными. – Вы и вправду так считаете?

– Именно так, и никак иначе. Хотя... – тут он немного замялся, – поговаривают, что литературные мужи слишком заняты собой, отстранены от мира и всё такое прочее, что все они самовлюблённые одиночки и простому человеку не так-то просто к ним пробиться. Это верно, или я что-то путаю?

Я внимательно посмотрел на холёное лицо, на дорогой, безупречно отглаженный костюм «простого» человека, потом посмотрел на свою потёртую, выдавшую лучшие времена куртку и опять промолчал. Несмотря на то что костюм сидел на нём превосходно, манера держаться была подчёркнуто обходительная, граней дозволенного он не переходил, приятным он мне не показался. Что-то в его внешности, в выражении лица меня настораживало и отталкивало.

Какого чёрта?! Что ему нужно? Он хочет пособить мне в писательстве? Это как? Все знают, что учить писателя писать довольно глупо и смешно, если не сказать бесполезно. У чело-

века, исписавшего не одну тысячу листов, такие наставительные разглагольствования вызывают странное ощущение растерянности, комичности и даже нелепости происходящего. Впрочем, определённого отношения к самим рассказчикам я ещё не выработал. Что поделаешь, если многие тешат себя иллюзией, что именно их история интересна читателю, именно она достойна пера и именно её автор должен запечатлеть. Досадно, что люди считают, что лучше всего разбираются в том, о чём не имеют ни малейшего понятия; мало того, они безошибочно знают, что нужно другим, но далеко не всегда понимают, чего хотят сами. Остаётся лишь пожать плечами.

– Вы должны меня выслушать, – сказал он с повелительной интонацией, убирая всей пятернёй со лба густые, ещё не начавшие редеть светло-каштановые волосы. – Ну ладно-ладно, не хотите писать – не пишите, тогда отнеситесь к этому разговору как к развлечению. Я вас позабавлю.

«Да, – равнодушно подумал я, – навязчивости этому парню точно не занимать».

– Во-первых, я никому ничего не должен, – спокойно ответил я, – а во-вторых, прошу вас...

– Я не хотел вас обидеть, – задёргался мужчина, – ни в коем случае, просто неудачно выразился. Простите, я вас перебил, что вы хотели сказать?

– Чтобы вы не спешили делать из меня безжалостного хроникёра, неустанно разыскивающего запах жареного. Это не про меня.

– Ну почему же хроникёра? Ни в коем случае!

Мы прошли по узкой стеклянной галерее второго этажа и вошли в ресторан. Бесцветное помещение походило скорее на обычную забегаловку, рассчитанную на неприхотливого пассажира. Впрочем, я таким и был, чего никак нельзя сказать о моём собеседнике, особенно если получше присмотреться к его костюму. В ресторане пахло кофе, специями, суетой и запредельными ценами аэропорта.

Когда мы сели за стол, заказали по чашке кофе с молоком и по порции коньяка, мой собеседник привстал со своего места и сказал:

– Разрешите представиться: Александр Петрович Евин.

Я автоматически склонил голову и ещё раз внимательно на него посмотрел. Он мог бы показаться красивым, если бы не внушительный апломб и откровенная навязчивость. Это мне не по вкусу. Интересно, кто он такой? По сутулой спине, длинным тонким пальцам с детской пухлостью, по пронизательным глазам в нём угадывался человек науки, если бы не платиновый браслет на запястье с крохотным брелоком в виде мадонны. Что же за черт меня дёрнул поддержать разговор? Вот теперь придётся сидеть и слушать, и кто знает, куда меня это заведёт.

– Вы знаете, что такое зависть? – неожиданно спросил Александр Петрович Евин, резким движением расстёгивая воротничок рубашки и ослабляя петлю своего галстука.

– Разумеется, – коротко ответил я.

Я вовсе не собирался изливать перед ним свои чувства, а потому внутренне поморщился, достал из заднего кармана брюк носовой платок и приложил его к носу.

– Нет! – он неожиданно прикрикнул, взял со стола салфетку и начал её складывать, словно собирался сделать бумажный самолётик. – Что вы можете об этом знать?! Зависть – это не так-то легко! Я говорю не просто о зависти, а о зависти патологической, сводящей с ума, о зависти, сжигающей тебя изнутри, превращающей жизнь в тяжкое бремя!

Я промолчал, рассудив, что ещё не время вступать в дискуссию.

– Ложь, – поспешно продолжил он, словно кто-то собирался его прервать. – Что скажете по этому поводу?

«Что скажу? – подумал я. – Что такое ложь? Это странное двуличное слово обычно употребляют лишь те, кого обманули. Сами же обманщики, как правило, стараются его избегать».

– Вас обманули? – из вежливости спросил я.

Он так униженно на меня посмотрел, что я усовестился и пожалел о своём вопросе.

– Я полагаю, что в отношениях между мужчиной и женщиной разочарования неизбежны... и... обойти их невозможно... Но сейчас не об этом речь, – он уклонился от прямого ответа и продолжал теревить салфетку, так и не сделав из неё самолётика. – А знаете ли вы, что такое кадмейская победа?

Вот тебе и раз! Вот привязался! Я с надеждой посмотрел на информационное табло, не объявили ли посадку, но её, как назло, задерживали. Пока всё складывалось не в мою пользу. Настойчивость собеседника повергала меня в ужас, но я очень надеялся, что он не станет здесь и сейчас насиловать мой слух, рьяно доказывая изменчивость и непрочность всего земного. Ответить ему я не решился, но утвердительно кивнул.

– Злость, предательство, измена, несправедливость? – быстро перечислял Александр Петрович.

– Увы, знаю. И не понаслышке. Этого добра в моей жизни было хоть отбавляй.

Он согласно прикрыл глаза. На его холёном лице появились признаки усталости. Казалось, мой ответ пришёлся ему по вкусу.

Официантка поставила перед нами две чашки кофе с молоком, фужеры с коньяком и положила счёт.

– Между нами говоря, не ресторан, а обдираловка, – полушутя-полусерьёзно сказал Александр Петрович, глядя на официантку. Улыбка немного преобразила его лицо. – Это же самый настоящий грабёж среди бела дня.

Кофейный аромат немного приободрил меня. Я сделал несколько больших глотков кофе, как делаю обычно перед долгой работой, а потом с некоторым интересом посмотрел на человека, сидящего предо мной. На кофе он даже не взглянул, а к коньяку жадно и основательно приложился, словно утолял им жажду.

– И ещё один вопрос перед тем, как я начну рассказывать. Не возражаете? – спросил он тоном экзаменатора.

Я неопределённо мотнул головой. Странно, но этот человек навязывал мне себя с такой лёгкостью, с какой, вероятно, по утрам завязывал галстук. Однако же за его старательно демонстрируемой небрежностью я всё же усмотрел краешком глаза нечто подлинное, нечто такое, что собеседник пытался от меня скрыть, а именно волнение, горечь и глубокую, нечеловеческую скорбь.

– Вы верите в ад, господин писатель? – он задал этот вопрос так холодно, словно переменялся и был уже не человеком, а дьяволом, не отбрасывающим тени.

Его вопросы навевали нехорошие предчувствия. Ад? Хотя я и сам не раз об этом задумывался, я почувствовал себя в высшей степени неуютно, но ответил всё так же спокойно:

– Полагаю, всё самое страшное, что с человеком может произойти, с ним происходит здесь. Ад – он не где-то там, в несуществующем мире, ад – он ЗДЕСЬ, – я сделал ударение на последнем слове.

– Всё верно, – задумчиво произнёс Александр Петрович и забарабанил пальцами по столу, – хотя... всё это теоретические утверждения... однако... всё верно.

– Верно что?

– Вы именно тот человек, с которым я хочу говорить, – он посмотрел на меня очень благосклонно. – Вы – писатель, а это означает, что вы мыслящий и чувствующий, вы человек рассуждающий.

– Ну-ну, не торопитесь составить обо мне суждение, – воспротивился я, поскольку никогда не мнил себя мыслителем. – Быть писателем ещё не значит быть мыслителем. И потом мыслить – не всегда есть благо, уж поверьте.

Признаюсь здесь в том, что в этой фразе я был сама искренность, сама открытость, потому что считал и считаю способность к рассуждениям и анализу вещь чудовищной, стран-

ной, я бы даже сказал, пагубной, ибо не каждому чувству или ощущению следует позволять оформиться в мысль. Этого добра я нахлебался в жизни предостаточно. Есть счастливики, которым не дано понять причин своих поступков и чувств, или они ещё не готовы их постигать. И слава богу! Они избавляют себя от тягостных рассуждений, и им хорошо в неведении, им живётся и легче, и проще. В моём случае (как это ни прискорбно!) рассуждать – это профессионально отработанная неизбежность. Коротко говоря, жить в реальном мире куда труднее, нежели в иллюзорном, но никуда тебе уже не деться. Вот так-то.

Некоторое время мы сидели молча, из чего я понял, что его предисловие закончилось. Потом Александр Петрович вновь заговорил и заелозил руками по столу:

– Ну, что же, пожалуй, начну, хотя, сразу предупреждаю, рассказчик из меня посредственный. Поэтической формы не обещаю, зато постараюсь передать события без всякой субъективной оценки его участников, без осуждения или восхищения. Мистерия не слишком древняя, и не особенно моралитэ, но по нынешним временам сгодится.

– Итак, – он прикрыл глаза, будто пытаясь что-то вспомнить, – её звали Вера. Она была одинока – в том смысле, что за ней не стояло родовое древо с глубокими корнями, которые питают, наставляют, поддерживают в чёрный день и дают возможность прочно стоять на земле; она была похожа на одинокий хрупкий цветок, на лилию, живущую на поверхности воды...

Его звали Киану, ему было... Впрочем, совсем неважно сколько ему было лет. Знаете, говорят, что евреи рождаются взрослыми, и это истинная правда. Это их еврейское счастье и их еврейское бремя. А того... другого... то есть третьего... – он запнулся, коснулся рукой лба, словно забыл, что хотел сказать. Его губы плотно сжались, в глубине синих глаз сверкнула какая-то фосфорная частица, и они сразу потухли, помертвели. – Простите, вы не возражаете, если я закажу нам ещё коньяка?

Я видел, как ему трудно, видел, как он хватается за меня, словно безногий за костыль, и уже не мог ему отказать. При взгляде в его странные погасшие глаза во мне зашевелилось нечто вроде сострадания. В эту минуту он не казался мне самоуверенным, как прежде, и я утвердительно кивнул. Александр Петрович махнул рукой официантке и заказал две двойные порции коньяка и ни крошки еды.

– Итак, в один прекрасный день наши герои познакомились, приглянулись друг другу и обнаружили, что не имеют никаких серьёзных препятствий для долгой и счастливой совместной жизни. На первый взгляд, пара как пара, ничего примечательного, – вновь начал Александр Петрович, и его глаза лихорадочно заблестели, руки потянули со стола бумажные салфетки и начали сворачивать из них бумажный шарик. – Встречались они год или около того, и всё бы ничего, но иногда ему казалось, что она смотрит на него откровенно равнодушным оком, и его это огорчало. Она же, в свою очередь, никак не могла понять, что их удерживает друг с другом, тем более что принадлежали они к разным кругам и общих знакомых не имели.

Киану был физиком, занимался наукой, читал лекции в университете на кафедре вычислительной физики, писал уже вторую монографию. Разумеется, невинным агнцем он не был, но и от пороков, от беспорядочных амурных походов держался подальше, иными словами, юными девами не особенно соблазнялся.

Вера была хирургической сестрой. Когда-то она поступала в медицинский, но не прошла по баллам и стала служить в городской больнице, выхаживая больных после полостных и эндоскопических операций. Становиться доктором она не собиралась, да и вообще была не от мира сего. Казалось бы, с её работой она должна была бы находиться глубоко в реальности, а нет, девушка оказалась возвышенной и восхищающейся понемногу всем, что имеет отношение к науке, искусству, архитектуре, литературе, математике – словом, к тем вещам, какие в её повседневной работе отсутствовали. Ещё больше восхищали её люди из этих сфер – творцы. Нельзя сказать, что к людям простого труда она относилась предвзято, что её интересовали

деньги или она придавала какое-то значение социальным различиям – ни в коем случае, такие предрассудки у неё отсутствовали, – просто с творцами ей было интереснее, что ли... или...

Короче говоря, судьбе было угодно ненадолго сделать Киану пациентом Веры. Этот молодой человек оказался в больнице по ничтожному хирургическому поводу, провалялся месяцем на койке, далее молодость сыграла свою роль, и всё произошло само собой. Киану умел производить впечатление на женщин. Какой он был на самом деле, женщины понимали с некоторым опозданием, однако первое впечатление всегда остаётся нетронутым. Словом, он ей понравился и внешностью, и родом занятий, и она его тоже заинтересовала, поскольку в ней не было ни капли вульгарности. Без преувеличения могу сказать, что это была необыкновенная утончённая натура, лишённая всякого притворства, с простыми и немного наивными для её возраста манерами, но девичья наивность не только прощательна, но и до некоторой степени изыщна...

Наконец-то на электронном табло появилась долгожданная надпись. На наш рейс объявили посадку.

– Александр Петрович, нам надо поторапливаться, иначе опоздаем на самолёт.

Прилично подогретые коньяком, мы расплатились, вышли из ресторана и начали пробираться сквозь толчею, сквозь начинающийся ажиотаж, бормоча извинения направо и налево.

* * *

Самолёт равнодушно катился по взлётно-посадочной полосе, громыхая шасси и дребезжа крыльями. Мой собеседник сидел рядом и молчал, устало прислонив голову к исполосованному дождём окну, в котором трепыхались поеденное ржавчиной бортовое крыло и часть фюзеляжа. Видимо, настырность изменила Александру Петровичу. Но я твёрдо решил не приходить ему на помощь. То, что его место оказалось по соседству с моим, меня несколько не удивило, да и вообще этот факт вряд ли можно отнести к простому совпадению. Скорее всего, Александр Петрович, без всякого зазрения совести, предусмотрительно позаботился о том, чтобы моё длительное пребывание на борту не оказалось слишком однообразным, а у него появилось больше возможности реализоваться в роли рассказчика. Вот спасибо так спасибо, подкинула мне судьба попутчика – ложку мимо рта не пронесёт. Такие, как он, быстро выдвигаются в первые ряды. Я почувствовал себя как человек, оказавшийся в Помпее во время извержения Везувия: очень хочется убежать и спастись, но это невозможно, ибо бежать некуда. Ничего, кроме досады, эта мысль во мне не вызвала.

Зловредный дождь продолжал свирепо барабанить по стеклу иллюминатора и кромсать в клочья остатки ночи. Самолёт кое-как набрал высоту, и город под ним растаял в тумане. Молчание становилось гнетущим, но я не был уверен, что хочу прерывать его. Пусть себе молчит, мне-то что. Вопросов задавать не стану. Не могу описать, насколько мне было всё равно. Я хотел всего лишь выспаться, прийти в состояние покоя и не думать ни о чём. В конце концов так и получилось: моё тело стало расслабляться в углублении кресла, я прикрыл глаза, устало вытянул ноги и прислушивался, как напряжённое дыхание двигателей перемешивается с моим собственным. От уютного кожного тепла сознание моё быстро затуманилось, я почувствовал себя легко и вскоре благополучно задремал, провалился в самолётное забытьё.

Трудно сказать, сколько времени я проспал, но когда очнулся, самолёт уже преодолел разрывы тёмных плотных туч, вынырнул из кромешной тьмы на свободу и с мерным жужжанием взмыл в ослепительные, сияющие чистотой небеса. Пошевелив одеревеневшими руками и ногами, я ожил и взглянул на своего попутчика.

– Вы верующий, господин писатель? – неожиданно спросил человек науки, который, судя по всему, за это время и глаз не сомкнул. Он так резко придвинулся ко мне, что я вынужден был плотнее прижать свои руки к бокам и уйти поглубже в кресло.

– Посмотрите в окно, Александр Петрович. Мы худо-бедно летим в самолёте, а в самолёте трудно быть атеистом. Сами понимаете...

После этих слов между нами вновь воцарилось гнетущее молчание. Правда, я хотел было добавить, что на борту падающего самолёта атеистов вообще не бывает, но как-то поделикатничал, воздержался, поскольку в воздухе такие толки не совсем уместны. Тем более что на этом ржавом корыте нам с Александром Петровичем Евиным предстоит облететь половину земного шара...

* * *

В половине шестого вечера было совсем светло. К началу апреля день заметно прибавился, беспечная синева неба хоть и подёрнулась вечерней дымкой, но не спешила окончательно спрятаться во мрак. Лёгкий ветерок покачивал голые ветви деревьев, нагоняя ароматы волнующих фантазий, волнений, предвкушаемых ожиданий, цветных красок, радостных забвений, внезапных возбуждений и разных томлений, природу и смысл которых трудно понять, но эти смутные желания обычно обуревают по весне, особенно в молодости. С возрастом же эти фантазии-томления-желания быстро излечиваются, испаряются, улетучиваются неизвестно куда, а без них весна может показаться всего лишь обычным промозглым временем года...

Вера Ким сидела в «русском» кафе перед чашкой остывшего зелёного чая и, меланхолично уставившись в окно, ощущала запах весны даже через стёкла. Вера была хрупкая, черно-волосая, белокожая, с высокими утончёнными скулами и карими раскосыми глазами – словом, безусловно красивая девушка, как две капли воды похожая на прелестную копию восточной богини. Было ей уже двадцать семь, но выглядела она совсем юной, почти школьницей, как это бывает лишь с женщинами до тридцати. В этом возрасте годы не сказываются на облике, не разрушают его прелести, а мягко текут по нему, как морская вода по русалочьим хвостам, не оставляя следов времени.

В белом шерстяном пальто, Вера сидела у окна и смотрела через огромное стекло на противоположную сторону улицы: прислонённые друг к другу дома грязно-пастельных цветов, золочёный купол старинного собора, высящийся над прочими строениями, отблеск уходящего дня, с особой грацией зацепившийся за купол, крохотные птички, парящие в этом отблеске над изгибом купола и разрисовывающие небо своими быстрыми крыльями, – словом – весна. Какой чудесный вид! Если бы Вера была живописцем, то её рука, наверное, потянулась бы к альбому и набросала небольшой эскиз: как очнувшиеся от зимы фантазии реют в небе, как сердце дрожит и носится в светлом воздухе над куполом вместе с птицами, как уснувшие мечты неожиданно просыпаются по весне и кружат, кружат голову... Красиво...

Вера наивно питала страсть к красоте. Может, оттого она и чувствовала себя частью вечера, частью мерцающего купола и парящей птицей одновременно, оттого и замечала, как луч скользил сквозь неё, как ветер перемешивался с её тёплым дыханием. Для неё это было естественным, по-другому и быть не могло. Вера закрыла раскосые глаза и попыталась уловить крохотное мгновение счастья, как это делала в детстве в солнечные беззаботные дни каникул, понимая, что всё хорошее рано или поздно заканчивается... Неожиданно, словно при вспышке весенней молнии, ей представились грани чего-то огромного беспокойного, окутанного тайной и уводящего за пределы разума, озаряющего и уничтожающего, – словом того, чего она ни разу в жизни не испытала. Представились и исчезли, как если бы вызывающий любопытство и возбуждающий аппетит экзотический плод таял в воздухе, стоило лишь протянуть к нему руку. Вера иронично усмехнулась. Весна! Весна!

Неожиданно она вспомнила, как точно такой же весной, под такими же первыми несмелыми лучами училась кататься на велосипеде, как хрустел под колёсами гравий, вспомнила, как она падала в холодные апрельские лужи, как сжимала руками разбитые мокрые колени, как плакала от досады, глотая солёные слёзы разочарования. Как ватага пробегающих ребят оставалась рядом и громко аплодировала, и лишь один из них подходил к ней с самым серьёзным видом и вытирал её девичьи слёзы своим засаленным мальчишеским рукавом. Потом она сразу же вспомнила о тех временах, когда выросла, становилась подростком, избавлялась от детской неуклюжести, как порхала изо дня в день, подобно летней бабочке, как шептала невнятные слова о любви, не имея о ней ни малейшего представления, как тайком грезилась и как видела любовь в каждом дуновении ветра и в каждом прикосновении капель дождя.

Легким движением Вера коснулась своих колен, улыбнулась, растерянно посмотрела по сторонам и покачала головой. Аромат тех дней давно улетучился, оставив лишь щемящую, но приятную грусть, – кататься на велосипеде она так и не научилась, на свидания же ходила почти с каждым, кто приглашал, но грезить о несбывшемся не перестала.

Вечер медленно затоплял окна, на улице вспыхивали фонари, шум машин глухо доносился сквозь толстое оконное стекло. Достав из кармана маленькое зеркальце и взглянув в него, Вера осталась довольна. Она посмотрела по сторонам: в небольшой закуской становилосьлюдно. Обслуга, одетая в длинные русские полотняные рубахи, таскала графинчики, рюмки и блины с кулебяками, громко и преувеличенно-любезно зачем-то называла гостей «сударь» и «сударыня», но на этом, пожалуй, русский стиль и русское гостеприимство оканчивались.

Киану опаздывал почти на полчаса, и Вера даже подумала, что, возможно, он и вовсе не придёт. Мысль эта почему-то не огорчила, не приободрила, не утешила и не расстроила девушку. По странному расположению судьбы ей было решительно всё равно. Тем не менее откуда-то повеяло грустью, словно Вере чего-то не хватало, чтобы обрести полную завершенность в этой весне. Вечер и без Киану был слишком прекрасен, а заходящее солнце буквально шептало на ухо: «Не грусти, красавица, у тебя всё прекрасно, жизнь течёт дальше. Весна». Лицо Веры стало печальным, но в тоже время и исполненным манящей надежды, как у человека, который знает, чего он хочет. Словом – весна!

– Три тысячи извинений, – скороговоркой проговорил Киану, подходя к столу. – Прости, что заставил тебя скучать.

– Пустяки. Я вовсе не скучала, – искренно ответила Вера. – Знаешь, я люблю иногда помечтать в одиночестве.

– Вот как? Значит, тебе было всё равно, приду я или нет?

– Нет, что ты. Я тебя ждала.

Вероятнее всего, Вера должна была бы добавить, что ждала его всю жизнь, но такая ложь показалась ей слишком явной и предельно неискренней, хотя она понимала, что, возможно, именно её он и хочет услышать. Вера догадывалась, что у влюблённых принято целыми днями в опьянении думать друг о друге и с лихорадочным нетерпением ожидать встречи, но она этого не испытывала. Думал ли Киану о ней в её отсутствие, она не имела понятия, а он ей об этом не говорил, но что она знала наверняка, так это то, что она о нём почти не думала.

– Расскажи, о чём же ты мечтала?

Сердце Веры забилося чуть сильнее, она поняла, что сболтнула лишнее, оттого немного приосанилась и зачем-то дотронулась до зеркальца в кармане пальто. Как бы не началась очередная затяжная сцена ревности. Киану был мастером подобных допросов, поэтому от прежней расслабленной Веры Ким не осталось и следа. Девушка знала: достаточно одной искры, чтобы его интерес к её прошлому мгновенно воспламенился. Ухаживания Киану не отличались особой изысканностью, поэтому Вера внутренне подобралась, насторожилась и стала выглядеть совсем иначе, чем за минуту до этого. Карие раскосые глаза сузились, расправленные плечи напряглись, а белая кожа стала болезненно бледной. За какую-то долю секунды купола собора

поблѣкли за окном, красивейший вечер утратил всю свою прелесть, казалось, ещё шаг – и он будет окончательно испорчен.

– Так о чём же?

– О, ничего особенного, – Вера беззаботно махнула рукой, – я вспоминала, как пыталась освоить велосипед.

– Велосипед? – Киану удивлённо округлил глаза, будто услышал нечто диковинное. – У тебя был велосипед? А кто учил тебя кататься? У тебя же был наставник? Он был старше тебя?

– Почему ты придаёшь значение тому, что неважно?

– Позволь мне самому судить, что важно, а что нет.

Он посмотрел на неё долгим настойчивым взглядом, не обещающим на сегодня ничего хорошего. Видимо, Киану не знал, что весной чувства должны быть красивыми и лёгкими. В его глазах не было ни красоты, ни лёгкости. Он не был щедр в любви, не тратил ласковых слов, словно они были у него наперечёт, не делал жестов, покоряющих женщину. Он всегда старался поменьше отдать отношениям, но при этом не упускал случая утвердить свою власть над женщиной, словно желая доминировать. Похоже, так он понимал мужскую любовь.

Вера улыбнулась. Разумеется, она хорошо относилась к нему, но к себе она относилась ещё лучше, и поэтому ей была откровенно неприятна эта сцена. Может, вся беда Киану в его подозрительности? Подозрительные люди во всём чувствуют подвох. Какой смысл говорить им правду, если они воспринимают её как ложь.

– Ки, зачем ты ищешь в моём прошлом то, чего нет?

– Сколько у тебя было мужчин? – отрывистым резким голосом спросил Киану. Его хорошее настроение дало заметную трещину: губы плотно сжались, а на лбу появилась тяжёлая поперечная складка.

«Ну, естественно, – печально подумала Вера, – как же мы без этого? Сейчас он оседлает своего любимого конька и поедет на нём». Интересно, зачем он всё время делает её виноватой? Разве с возлюбленными так поступают? Или только так с ними и поступают? У Веры появилось тягостное чувство непонятной вины. Она попыталась проанализировать своё состояние: может, с ней что-то не так, может, всей этой сценой она обязана азбуке психоанализа? Или с ней всё в порядке, а у Киану – склонность к подозрительности или расшатанные нервы? Но если с ней всё хорошо, то почему она до сих пор здесь? Пытаясь в очередной раз спасти ситуацию, Вера попыталась обратить их разговор в спокойное, вежливое русло.

– Дорогой, мы ведь это уже обсуждали.

– Ответь. Я хочу услышать ещё раз.

– Зачем?

– Отвечай, – в его голосе появилось раздражение.

– Двое, – обречённо сказала Вера.

Судя по всему, спокойствие, та броня, которая всегда прикрывала девушку от неловкости или страха, прохудилась и уже не слишком-то её защищала.

– Двое, – с укором повторил Киану. Он взял со стола бумажную салфетку и начал вертеть её в руках. Он вообще любил что-нибудь тереть и перекладывать с места на место. – Не многовато ли для незамужней девушки?

Ну вот. Приехали. Каждый раз одно и то же. Видимо, деликатность никогда не принадлежала к числу его добродетелей. Сейчас он попытается придавить её моралью или, того хуже, доказать какую-то её вину.

Вера исподлобья взглянула на Киану. Он был красив, слишком красив, и вполне соответствовал её вкусам. Высокий ростом, с широкими плечами и прямым носом, правда, движения резковаты, а уголки рта иногда нервно подёргивались, но зато у него были густые светло-каштановые волосы, всегда удачно причёсанные, и небесно-голубые глаза. Шикарные глаза, что и говорить, только парить в этом небе ей почему-то не хотелось. Кроме всего прочего, одежда

Киану всегда доведена до блеска, до ненатурального блеска, почти отгалкивающего. Да, он уделял особое внимание мелочам, булавкам, платкам, заколкам, как человек, без памяти в себя влюблённый, и это не могло не бросаться в глаза.

– Ревнуешь?

Он ответил «нет» слишком быстро, из чего Вера сделала неутешительный вывод. Изю всех сил она попыталась уверить себя, что такой хорошо сложенный, прекрасно образованный мужчина не может оставить женщину равнодушной и что подобные разговоры, как сегодняшней, претензии, ревность просто неизбежны в отношениях между мужчиной и женщиной... И всё же... И всё же в Киану бродила странная помесь хищника и павлина, которая раздражала Веру, и настораживала, и мешала принять его целиком, принять без оглядки. Может, дело в том, что в своих внутренних суждениях и оценках она пыталась быть искренней? Ведь, положив руку на сердце, она не любила его, и от этого его недостатки не перерастали в достоинства (как это всегда бывает в любви), недостатки Киану не только казались ей очевидными, но и порой отгалкивали её.

– Я же не знала, что в моей жизни появишься ты, – опустив подрагивающие ресницы, как можно мягче ответила Вера, словно и впрямь была в чём-то виновата.

– Могла бы и подождать. Или тебе не сиделось со сжатыми коленками? – у него вырвался короткий ненужный смешок, какой бывает у людей с расшатанными нервами.

Это уже слишком. Такие речи не понравились бы ни одной женщине. Она ни в чём не виновата, и ей не в чем перед ним каяться, однако в очередной раз гордость была уязвлена. На какое-то безумное мгновение Вере захотелось оказаться в другом месте, с другим мужчиной, или просто быть одинокой птицей в небе, смеяться и беззаботно порхать, но не здесь, не рядом с этим красивым истериком. Благоразумнее было бы встать, расставить точки над «i», собраться и поскорее уйти, не глядя по сторонам, и, самое главное – заминировать обратный путь обидой, но... Но что-то её останавливало. Что он вообще творит, в самом деле? К чему столько ненужных терзаний? Он мучит её или самого себя? Он хочет уничтожить её или подчинить? Конечно, подчинить. Где-то в глубине души Вера понимала желание Киану увидеть её подчинённой, но осознание того, что она не позволит ему этого сделать, приносило некоторое облегчение, однако нервы всё же напрягались. Как бы то ни было, изводит её Киану не без удовольствия. Что ж, ей его не понять, чужая душа в чужом теле. Боже, какие непростые пути выбирают люди, лишь бы избежать одиночества! Но вот ведь что странно: рядом с этим человеком Вера чувствовала себя ещё более одинокой, чем тогда, когда действительно была одна.

– Или для тебя женская честь – отжившее понятие? – его глаза сверкнули сине-белыми холодными огнями, как где-то далеко сверкает снег на горных вершинах.

И поехало, и понеслось. Вопросы обрушивались, как подлые удары врага, причём Вера была почти уверена, что поведением Киану руководит... любовь. Какой ужас! От такой любви все цветы завянут и скиснет всё молоко. Если это и впрямь любовь, то в ней нет ни капли здравого смысла, а лишь эгоистичные, болезненные, варварские страстишки. Если её отношения с Киану – и впрямь любовь, то в ней океан бессмысленности и бессердечности, коль скоро эта любовь способна прекрасно образованного мужчину превратить в отвратительного недоумка. Сердце Веры затрепетало, как одинокий листочек на дереве, листочек, который вот-вот сорвёт порыв ветра, и Киану затопчет его своими широкими подошвами, а она его зачем-то простит.

– Прости, но я не знаю, что сказать, – кротко ответила Вера, понимая, куда может завести этот разговор.

– Расскажи мне о них.

Ну вот опять! Разумеется, у неё есть прошлое, но оно никого не касается. Почему оно вызывает такой лихорадочный интерес? Чего он хочет? Чтобы она в подробностях рассказала истории тех отношений? Так она уже и сама их толком не помнит, их было-то раз, два

и обчёлся. Вера полагала, что забвение предыдущих отношений – непереносимое условие для счастья отношений зарождающихся.

– Послушай, не подливай ты, ради бога, масла в огонь. Я же не спрашиваю, сколько у тебя было женщин.

– А ты спроси. Не много. Ровно столько, сколько было необходимо.

– Представь себе, мне это неинтересно.

– А мне интересно.

– Дорогой, ты заставляешь меня говорить о том, про что я давно позабыла. Это всё равно что вспоминать сны пятилетней давности.

– Так они были в твоей жизни пять лет назад?

– Киану, прошу тебя. Так ведь и до ненависти недалеко.

– Вот оно что! Уточни, пожалуйста, ради них ты уже готова меня возненавидеть?

– Да нет же, нет, я хочу любить тебя, но... ты не даёшь мне такой возможности, – сказала Вера, а про себя подумала: «Но... если мужчина ухаживает за женщиной и даже считает возможным устраивать ей сцены, то было бы недурно подарить ей цветы, хотя бы из соображений собственного нарциссизма».

– А где цветы? – неожиданно для себя самой спросила Вера.

– В следующий раз – непременно.

– Так может, и свидание с выяснениями перенесём на следующий раз?

Она тяжело вздохнула. В сущности, этот вздох был более чем уместен. Если бы в тот момент кто-нибудь спросил Веру, зачем она, собственно, здесь сидит и чего дожидается, разумеется, она ответила бы, что остаётся с Киану не по принуждению, а лишь потому, что ей самой так хочется, словно она должна была непременно посмотреть развязку.

– Согласен?

Глядя, как бледность покрывает лицо Киану, как он безостановочно скручивает и раскручивает бумажную салфетку, Вера положила свою ладонь на его пальцы, чтобы успокоить их. Киану решительным жестом отдернул руку.

– Послушай, Ки, разве в любви нужно задавать столько вопросов, разве нужно так настырно ворошить чужое прошлое?

– Я учёный, я приверженец здравого смысла, следовательно, я привык докапываться до сути вещей.

– Очень мило с твоей стороны, но мне кажется, что моему прошлому ты уделяешь внимания гораздо больше, чем требовал бы простой здравый смысл...

Киану отбросил в сторону салфетку и расслабил руки, потом равнодушно отвёл глаза в сторону, как бы говоря, что его воодушевление поостыло, вопрос исчерпан и более его не интересует. Однако Вера знала, что через мгновение-другое лихорадочная энергия вновь забурлит в нём с удвоенной силой, что эта лихорадка быстро оживит его руки и наполнит нехорошим блеском голубые глаза.

– Даже если я не буду о них знать, – мрачнел Киану, – они не исчезнут из твоей жизни. Мужчине всегда полезно узнать, кто рядом с ним: скромная овечка или развязная пантера, повязывать ей на шею бантик или же надевать ошейник.

По всему было видно, что он хотел выразиться поядовитее.

– А мне казалось, что от допросов, бантиков и ошейников чувства не становятся крепче, наоборот, они... – Вера оценивающе на него посмотрела, – они быстрее проходят.

Соблазн подняться и уйти усиливала назойливость Киану. Чудесный вечерочек он ей устроил. Это не свидание, а странная несообразность, неужели он не понимает, что его слова причиняют ей боль? Скорее всего, нет. В сущности, ему нет дела до чувств других, он не принимает их в расчёт. Скорее всего, он и сам страдает от своего переменчивого настроения, для него самого убогая сцена ревности мучительна. Вероятнее всего, его скандальные выпады в

первую очередь служат наказанием ему самому. Каким-то внутренним чутьём Вера полагала, что в его поведении сокрыта возможная внутренняя жестокость. Ревность и невоздержанность, разумеется, не в счёт. Она догадывалась, что законопослушные хлипкие ботаники, без единой мышцы под кожей, могут быть куда более жестокими, нежели мускулистые качки в стиле голливудских боевиков.

– Не думал об этом, – почти выкрикнул Ки.

В отличие от Киану, не скрывавшего своих чувств, кроткая Вера героически старалась не обращать внимания на его выпады и вела себя более сдержанно. По правде сказать, Киану выглядел полным кретином, когда корчил из себя гонимого пса, напавшего на свежий след. Уж кто-кто, а Вера-то знала, что вокруг неё давно нет никаких следов. Тогда почему она чувствует себя жертвой? Да потому что он постоянно травит её. И что ей теперь делать? В её положении ничего не оставалось, как сделать хорошую мину при дурной игре, и, главное, никаких пессимистичных настроений, ведь его последняя реплика говорила о том, что он уже выдохся.

Зная навязчивую склонность Киану ревновать и драматизировать, Вера в такие моменты замыкалась и ненадолго уходила в себя, поскольку порывать с ним пока не собиралась. Как только Вера умолкала, он останавливался, не доходя до последней точки, постепенно приходил в себя и смиренно шёл на попятную, словно бешеный демон, внезапно окропленный святой водой. Чувствуя свою вину, он становился нежным, долго извинялся, и всё заканчивалось перемирием. Тогда злость Веры начинали сменять вспышки девичьей надежды. Именно так произошло и в этот раз.

– Верочка, дорогая, прости, пожалуйста, я сегодня что-то погорячился... – он протянул через стол немного дрожащую руку и нежно коснулся её чёрных волос. – Такое больше не повторится... Теперь всё будет по-другому, клянусь тебе, вот увидишь... Обещаю всё исправить...

Как и предполагала Вера, Киану перескочил с минуса на плюс так же внезапно, как полчаса назад поменял плюс на минус.

По правде сказать, Киану и сам толком не понимал, что с ним происходит. Во время подобных сцен он буквально терял рассудок. Отдавал он себе отчёт в собственной истеричности или нет, было не очень ясно, но ему явно хотелось поскорее замять неловкость ситуации, которую он сам же и создал.

Вера сидела тихо, но всё же чувствовала некоторое облегчение. На её лице вновь проступила покорность. «В общем и целом, – успокаивала она себя, – каждый человек сконцентрирован на себе самом, так что её кавалер в этом смысле не хуже и не лучше других».

– Ты же знаешь, когда мы в ссоре, я не могу работать, не могу думать, – с обезоруживающей откровенностью сказал Киану. – А для меня умственная смерть страшней физической.

Она ничуть не удивилась его обратной перемене, и, не говоря ни слова, разглядывала его. Она наблюдала, как Киану покидает буйнопомешанный свирепый зверь, как возвращается его привычный цвет глаз, как зрачок из тёмного превращается в светло-голубой, а покрасневшая роговица вновь белеет, как отгаливающее лицо хищника вновь становится красивым, как неприятный жалящий голос сменяет спокойствие.

– А давай мы с тобой отправимся в путешествие на летних каникулах, – с видом преданного, но виноватого пса предложил Киану. – Мы поедем в страну моего детства, в мой старый дом, к моему родному брату-землепашцу. Он живёт отшельником. Соглашайся, Верочка! Там настоящий деревенский рай, прекрасный мягкий климат, зим почти не бывает, петухи кукарекают в строго назначенный час, но при этом в доме есть все удобства. Соглашайся!

Вера его слушала и не слышала. Разумеется, он была польщена и заинтригована, но старалась это скрыть, а потому кивала головой, как сломанная кукла. Её больше заботило, как избавиться от начинающейся мигрени, причину которой можно не разьяснять.

– Знаешь, говорят, что деревня – это противоядие от той городской отравы, в которой мы не без удовольствия варимся, – говорил всё ещё смущённый Киану. – Вот и поглядим... Или подтвердим, или опровергнем. Согласна?

Она вновь рассеянно кивнула.

– Ладно, пойдём из этого шалмана туда, где более аппетитные запахи, – с взволнованной улыбкой проговорил Киану. – Сегодня такой хороший вечер, я буду вымаливать у тебя прощение, и ты рано или поздно мне его подаришь...

«Рано или поздно мне всё это наскучит, и тогда я уйду, – равнодушно подумала Вера, потирая деревенеющие виски, – а сейчас пусть говорит что угодно!» Она облегчённо вздохнула и посмотрела в окно. Вечер густел, в небе повис месяц, золочёный купол старинного собора светился в окружении россыпи звёзд, подёрнутый лёгкой поэтической дымкой. Автомобили разрезали темноту светящимися глазами, в домах напротив вспыхнула вереница окон, мир вновь ожил.

* * *

Городской университет стоял в стороне от города. Когда юный Киану впервые увидел его, то был несколько обескуражен, поскольку в воображении молодого человека университет должен был бы походить на здание в историческом стиле, возвышающееся в своём неподражаемом великолепии. Нет, ничего подобного. Здание напомнило Киану большую серую коробку, по чьему-то недосмотру забытую в пригородном парке. Коробку, правда, не картонную, а из стекла и бетона, что по большому счёту никак не улучшало картины. Несколько разочарованно молодой человек смотрел на это далеко не блестящее достижение архитектуры: никаких вам башен, арок, метоп и триглифов, никаких карнизов и пилястр – словом, ничего, что могло бы порадовать его эстетический глаз. Глядя на эту скуку, можно было предположить, что архитектор, проектировавший её, не то чтобы не был знаком с архитектурой в самом лучшем, в самом возвышенном её смысле, но ему даже не попадались на глаза открытки небольших европейских городов, не говоря уже о Риме, Париже, Лондоне или Праге. В общем, ни на классику, ни на модерн не было даже намёка. Какая идея определила эту форму, юноша затруднялся предположить, одно совершенно очевидно: архитектурный шедевр она не напоминала, разве что поликлинику для слепых и слабовидящих. Но может быть, здраво рассудив, маэстро предположил, что обитающие там математики и физики настолько увлечены своими цифрами и расчётами, настолько далеки от прекрасного, что ничего вокруг не замечают. С этим Киану категорически не согласился бы. Всё же в оправдание архитектора юноша предположил: возможно, тот подумал, что любознательность в области физики не может идти рука об руку с художественным восприятием мира, что точные науки – это киты, на которых покоятся лишь факты и истины. К чему, спрашивается, любителям цифр трепещущее чувство понимания прекрасного? Они не поработаны красотой. А раз так, это многое объясняет.

Впрочем, красота мира в эту обитель сдержанности и аскетизма всё же прокралась, и бетонную коробку, отведённую под университет, окружал восхитительный парк, таинственный, просторный и одичавший. Старые располневшие дубы и клёны с обнажёнными корнями и густыми кронами, усыпанными снегом зимой; непокорные раскидистые кусты сирени, источающие дурманящие запахи надежды весной; квадратные и овальные лужайки, затянутые пёстрым бархатом цветов летом; множество тропинок и аллей, пламенеющих багрянцем, устланных листвой и морозящим дождём осенью. Среди этой прокравшейся красоты можно было гулять сколько душе угодно, однако обитатели университетской коробки из стекла и бетона красоты почти не замечали. Или молодому человеку так только показалось. Сам же он на первом году обучения нередко отмечал и чистоту снежной зимней пороши, и стеклянные подтёки наледи на кронах, и кремовое вечернее небо над летним засыхающим клевером, и лимонно-оранжевый

свет, падающий на бетонную коробку, и зелёный навес из дубов и клёнов. Со временем мысли Киану всё плотнее переплетались вокруг науки, и он перестал замечать и незатейливый абрис, и красоту парка. Со временем вступает в силу привычка, которая перемешивает в нашем восприятии красоту и полное её отсутствие или же подменяет одно другим.

Правда, один раз в году, в июне, восхитительный полупустой и полудиккий парк наполнялся жизнью. По случаю торжественной выпускной церемонии толпы разгорячённой шумной молодёжи заполняли парк со всеми его аллеями и клумбами и особенно площадку перед главным входом. Турникетная дверь непрерывно крутилась, впуская и выпуская счастливую, празднично и взвинченно настроенную юность.

Когда-то Киану был здесь лучшим студентом, чемпионом всех олимпиад и университетской знаменитостью, а после окончания обучения остался здесь же преподавать на кафедре вычислительной физики, здесь же защищал диссертацию. Эту обитель он знал как свои пять пальцев. В этом заповеднике науки и цивилизованности, не имеющим ничего общего с действительностью внешнего мира, в этой другой герметичной вселенной Киану чувствовал себя значительнее и масштабнее. Здесь все жизненные перипетии сглаживались, отходили на второй план, а цена его жизни заметно повышалась, что, разумеется, не могло не радовать. Короче говоря, как только Киану въехал на территорию *alma mater* и университетские ворота сомкнулись за его спиной, на него сразу снизошёл дух умиротворения и значимости, витающий здесь повсюду.

Киану взглянул на часы, поправил воротник рубашки, манжеты и запонки. До начала ещё полчаса, а крайне возбуждённые выпускники уже сгорали от нетерпения. «Без меня не начнут», – подумал Ки, и эта мысль принесла ему удовольствие. Припарковав машину во внутреннем университетском дворе на стоянке, он взял свой портфель, пересёк площадку, вошёл в святая святых и стал неторопливо подниматься по ступеням лестницы.

Актальный зал был битком набит молодыми людьми в чёрных мантиях и академических квадратных шапочках с кисточками (составляющими особый известный шик), родственниками, гордыми оттого, что имеют право здесь быть, уставшими до предела преподавателями и грудастыми выпускницами, чьи головы украшали сложные причёски, и первокурсницами с трогательными белыми бантами, которые выглядели слегка комично. Киану небрежно усмехнулся. По правде сказать, он не особенно почитал женщин в науке, не то чтобы был уверен в их умственной безнадёжности или неполноценности, нет, скорее он не верил в их способность подняться над тленной суетой мира, способность думать о сути вещей строго математически, считая их пригодными лишь для того, чтобы рожать, баюкать и штопать носки, ну, в крайнем случае – созерцать. Поэтому он полагал, что тут они понапрасну тратят силы, время и здоровье. И каждый раз, когда его студентки проваливали экзаменационные работы, Киану наслаждался неоспоримым доказательством их ограниченности и глядел на них с высокомерным состраданием. И не то чтобы он таким образом реализовывал свою склонность унижать женщин, скорее всего, таким ему представлялся порядок вещей. Разумеется, исключения случались, но они лишь подтверждали правило, ибо эти умненькие очкастые девочки с неумеренными амбициями, эти зубрилки-отличницы, эти синенькие чулочки выглядели устрашающе. По непонятным причинам они забывали стричь ногти, пломбировать кариозные полости, брить ноги, подмышки, выщипывать чёрные усики над верхней губой – словом, по большей части походили на мужчин и вели себя соответствующе. Женщины-коллеги тоже не прельщали Киану, и не потому, что были предсказуемы, исполнены здравомыслия, смотрели рассеянно и холодно, а обычным любовным заигрываниям и безрассудству предпочитали научно-интеллектуальный обмен, нет, скорее потому, что точно так же, как и их юные последовательницы, не придавали никакого значения своей чудесной женской сути, доставшейся им по факту рождения, а ценили в себе лишь профессиональные достижения, стройность и строгость суждений, аналитические способности и ещё чёрт знает что вместе взятое. Один вид этих представительниц прекрас-

ного пола вызывал у Киану интуитивное неприятие или даже сочувствие и нагонял скуку. На их фоне тонкая, черноволосая и белолицая Вера Ким (даже не удосужившаяся получить высшее образование), равнодушная к статусам, дипломам, всяческим ярлыкам и предрассудкам, казалась Киану верхом привлекательности, утонченности, женского простодушия и, как это ни странно, ума.

Врождённое превосходство, одарённость и иногда гениальность оставались за мужчинами. Таковым представлялось Киану естественное положение вещей, мужских и женских сфер в мире точных наук.

Однако же Киану знал, что в этом тесном мирке сам он является объектом поклонения, центром мироздания, осью земли, что все студентки склоняют перед ним голову и тайно ему благоговеют. И благоговеют не из-под палки, не из-за отметок или других учебных благ, а по своему естественному чувству. Как это приятно и как правильно! Воистину женщинам больше по душе склонные к деспотизму диктаторы, чем бесхарактерные услужливые тряпки. Так что в этой обители Киану не знал поражений. Временами это не могло ему не льстить, но чаще воспринималось им как должное.

Итак, церемония началась. После короткой вступительной музыкальной части с плохо настроенными динамиками, после бравурного *Gaudeamus* на сцену пригласили Киану – декана факультета. Под оглушительные овации, одетый, как всегда, с броской элегантностью, сознавая важность своего положения, чувствуя сотни вонзающихся глаз, Киану в раскованно-щегольской манере вышел на всеобщее обозрение. Женская часть аудитории затаила дыхание. Более восторженные женские лица было трудно себе вообразить. Из-за боязни выглядеть суетливо Киану привык держать голову прямо, по минимуму смотреть по сторонам и поэтому был похож на манекен.

Остановившись у микрофона, он взял положенную паузу, дождался тишины и начал свою речь по стандартному сценарию. Он поздравил выпускников, собравшихся родителей и гостей, напомнил всем, что их факультет – один из самых престижных в университете, а университет – самый лучший в стране, так что комментарии здесь излишни. Не забыл с толикой почтительности воздать должное коллегам, за их, само собой разумеется, благородный труд. Потом говорил, как важен диплом для молодых людей, которые представляют будущее нашей страны, что от них зависит её переустройство, говорил, что выпускники, вооружённые полученными знаниями, начинают самостоятельный путь в мире науки, что теперь они могут воротить горы или продолжать обучение, поскольку физика – это наше всё, начало всех начал, основа всех основ, общее благо; анализировал общую ситуацию в образовании, провозглашал этот день воистину историческим и так далее и тому подобное, и так по кругу, и так без конца и края. Жонглируя словами, изрекая все эти банальные сентенции, Киану поглядывал на море доверчивых восхищённых лиц, обращённых к нему.

По огромному залу разливался низкий уверенный голос. Сам Киану не слишком вникал в собственные слова, но знал, что зал ловит каждое его слово и что у женщин к глазам подступают слёзы. Говорил он слишком механически, без души, но изо всех сил старался спрятать свои тщеславие и равнодушие, ибо ничего, кроме этих чувств, не испытывал. Нет, кое-что он, пожалуй, испытывал ещё: от понимания собственной значимости приятно кружилась голова. Когда-то ведь он и сам сидел в этом зале, среди моря четырёхугольных шапочек с кисточками и смотрел на декана, как на ожившего идола во плоти.

Впрочем, как бы равнодушен ни был Киану к празднику, все же он был обычным живым человеком, и он знал, что в зале сидит Вера, а потому хотел поскорее со всем покончить и увидеть её. Как ни странно, но в первую очередь именно на неё он жаждал произвести впечатление, именно в её глазах он отчаянно желал выглядеть непревзойдённейшим из мужчин. Киану обладал особым даром – чувствовать своё превосходство; должна почувствовать его и Вера. И, как мог, он старался. Ведь именно за этим он её и пригласил. Вера должна была бы не

сомневаться в том, что он именно тот, кого она ждала всю жизнь, и, разумеется, должна была бы оценить, что означает любовь такого уважаемого человека. Любит ли он Веру на самом деле, Киану и сам не знал, во всяком случае, до встречи с ней единственной его любовью была любовь к себе. А после их знакомства сдержанность в её глазах подстёгивала Киану, не давала ему расслабиться и заставляла демонстрировать своё превосходство.

...Познакомились они в больнице, когда Киану лежал на хирургическом отделении с... Впрочем, история его недуга здесь совсем не важна, а важно то, что Вера долго и заботливо за ним ухаживала. Киану наблюдал за девушкой и не без удовольствия отмечал её внимание, её крайнюю нетребовательность к самым капризным и сварливым пациентам. Он до сих пор помнил их страдающие лица и запах дезинфицирующих больничных средств.

В отделении лежали мужчины, а это, как известно, особая категория пациентов. На больничной койке мужчина чувствует себя куда более обнажённым, нежели действительно нагой в постели с женщиной. Болеющие мужчины законно демонстрировали Вере свою беспомощность, как маленькие мальчики, отводя взгляд от собственной вены, когда Вера её прокалывала, и бессознательно, хоть и ненадолго, превращались в хныкающих детей, которым всё позволено, коль скоро они нездоровы. Киану видел, как заботливые девичьи руки порхали над их страдающими телами, видел, что по простоте душевной девушка не замечала их гнева, радовала их милой улыбкой, ласковым взглядом своих раскосых глаз, говорила приятные, ничего не значащие фразы, делала перевязки, ставила капельницы, просила прощения за то, что болезнь по неведомым причинам остановила свой выбор именно на них, и как бы невзначай напоминала, что счастлива быть им полезной. Вера была чудесной медсестрой. Она казалась настоящим ангелом-хранителем, избавляющим от одиночества и тоски всё мужское отделение, ангелом, помогающим справиться с болью истинной и болью воображаемой, порождённой собственным страхом.

Тогда Киану отказался принять поведение девушки за чистую монету, ему даже показалась забавной эта профессиональная игра, но чуть позже он всё-таки счёл, что Вера не играет в простоту, а ведёт себя абсолютно искренне. И даже истые ворчуны на отделении, видя её неоспоримое душевное богатство, смягчались, умилялись её добротой, благодарили за чуткость, мирились со своим положением и просили Веру посидеть с ними ещё. Так дети преисполняются нежности к воспитателю, который в ответ на плохое поведение проявляет доброту и великодушие. И Киану не стал исключением, правда, открытостью Веры не злоупотреблял, однако отсутствие соперников на этой территории тут же отметил.

Замаранные простыни, переполненные, напрочь лишённые сексуальности ночные утки, – словом, об эротике здесь речь не шла, равно как и о соперничестве самцов. Иначе говоря, в этой вполне банальной больничной ситуации, при полном отсутствии мужской конкуренции Киану чувствовал себя как рыба в воде. Хотя он не относился к породе мужчин, жаждавших поиметь всё, что движется и шевелится, однако твёрдо принял решение по выздоровлению играть роль соблазнителя, то есть звонить, обольщать, приглашать, писать, выдумывать комплименты и признания до тех пор, пока девушка не сдастся. Чего ради он будет прилагать усилия (ради сиюминутного наслаждения или же для того, чтобы перевернуть своё существование), он пока не знал. Главным образом потому, что для начала он должен был не только удовлетворить своё любопытство, но и постичь, насколько эта женщина сочетается с его представлениями о женщинах вообще, способна ли она оценить его научные изыскания, или же, в конце концов, их отношения пойдут по привычной канве...

...Наконец его глаза отыскали в зале яркое пятно в белом шёлковом платье и черноволосую голову. Его взгляд встретился с её раскосым карим, оттенённым длинными чёрными ресницами. Вера мягко улыбнулась, но её глаза остались полуприкрытыми. На её красиво очерчен-

ных скулах играли утренние лучи, делая их волшебными перламутровыми. В первое мгновение Киану почувствовал прилив уверенности, но не разгадал взгляда Веры, и его лоб покрыли две глубокие укоризненные складки. Жаль всё-таки, что человеческие души непрозрачны, что их малейшие колебания не видны, что их нельзя математизировать, разложить на иксы и игреки. Как всё-таки жаль, что душа – непредвычислимое понятие, и этим всё существенно осложняется. Киану был убеждён, что логическое построение мысли приводит в порядок всё, чего бы оно не коснулось, всё, кроме, как выясняется, человеческой души. И даже такие непревзойдённые мастера жизни, как одноногий ушастый игрек и четырехлапый икс здесь беспомощны, даже им неподвластна та неведомая сила, что зовётся душой. Он вновь внимательно посмотрел на Веру...

...Будучи абсолютно здоровой, Вера вдруг почувствовала себя нехорошо. Несколько раздосадованная, она осознала, что в такой кульминационный, помпезный, торжественный момент всеобщего воодушевления на неё накатила неожиданная тоска. «Шикарный мужчина, – меланхолично думала она, – внешне он прекрасен, и индивидуальность в нём есть, ничего не скажешь, но... но...» Да, это «но» всегда существовало, и оно всегда беспокоило Веру.

В её жизни любовных приключений было не так много, а претендентов на предложение руки и сердца и того меньше, но если бы мужчин можно было классифицировать по внешним характеристикам, самоуверенности и элегантности, то Киану, бесспорно, возглавил бы рейтинг, ибо он превосходил все мыслимые и немыслимые стандарты. Так почему же, в самом деле, она не трепещет и не радуется, как школьница, которая вытасила удачный билет? Почему её внутренний голос не дрожит от восторга в недрах сознания?

Мечтала-то она именно о таком, как Киану, энергичном, красивом, серьёзном, строгом мужчине, об интеллектуальном великане с умной головой, наделённой секретами науки, и прекрасно развитым телом с железным здоровьем. Мечтала в своей одинокой жизни, где она, как заведённая, сутками напролёт ухаживала за больными бок о бок с их страданиями и болью, а потом приходила в пустую квартиру, валилась с ног от утомления, но всё равно с усталой улыбкой мечтала о именно таком мужчине, как он. И вот он появился, и ей вроде бы приятно, но в этом нет радости, а до восхищения и вовсе далеко. Поди тут разберись.

Иногда из любопытства Вера почитывала советы хвастливых знахарок-блогеров, но никогда ими не пользовалась. Не без интереса она рассматривала фотографии успешных профессиональных соблазнительниц и не понимала, в чём секрет их успеха. Это были женщины такого роста, что могли бы запросто держать на улицах освещение, и никто бы не заметил, что это не фонари. Вера разглядывала их пухлые губы, похожие на терракотовых дождевых слизняков, неправдоподобно белые зубы, скорее напоминающие качественные протезы, нежели живую человеческую ткань, разглядывала их выставленные напоказ скелетообразные тела с огромными бюстами и ягодицами, похожими на железные шары, помогающие пробивать бетонные стены мужского равнодушия; читала длинные статьи о том, как приручить строптивого дракона с увесистым кошельком, лысеющей головой или, того хуже, с пересаженной шевелюрой, как сделать его ручным, как вызвать в нём, а заодно и в себе самой любовь и так далее и тому подобное. Что же, довольно мило. Сама Вера хоть и относилась с пониманием к этой индустрии, но никаких приворотных зелий, силиконовых выпуклостей, стервозного поведения и тому подобного формальдегида современной любви не только не признавала, но и была несоместима с её несуразным культом. Зачем ей вся эта имитация? Пусть загадка остаётся загадкой, случай – случаем, а судьба – судьбой, и не надо брать их в свои руки и пытаться ими управлять. Вошедший в привычку рационализм и так затмевает настоящие чувства и мешает испытывать простую радость.

Познакомившись с Киану, Вера мгновенно попала под его обаяние, оказалась беззащитной перед интеллектуальным превосходством и действительно была им совершенно очарована. Он представлялся ей воплощением мужской красоты и изящества. Довольно долго она пребывала в состоянии влюблённости и даже подумала, что наконец-то встретила своего избранника, ниспосланного свыше. Ведь женщины вообще крайне чувствительны к любому нечаянному мужскому интересу, они быстро окрашивают всё в нужные тона, досказывают невыговоренные мужские слова, додумывают ещё не родившиеся мужские мысли и в конце концов сами же теряют голову. Именно на это Вера и рассчитывала – потерять голову. Да, ей хотелось просто любить и быть любимой. А как же иначе?

К сожалению, вскоре Вера Ким обнаружила, что с таким мужчиной, как Киану, потерять голову довольно сложно. Объяснение, скорее всего, состоит в том, что видимость, сущность и бурная девичья фантазия не всегда совпадают, или в том, что Киану слишком часто приводил её в отчаяние, что, кроме сцен ревности и редких признаний в любви, они ни о чём особенно не разговаривали и планов на будущее не строили. Киану был мастером производить приятное впечатление, но мастером его же разрушать. Как выяснилось, он обладал особым даром – чувствовать своё превосходство, а это дано далеко не каждому.

Со стороны Киану и Вера выглядели вполне счастливой парой, однако видимость не всегда отражает суть. Нельзя сказать, что Вера была равнодушна к Киану, но его присутствие пьянило её крайне редко, а холодный рассудок временами нашёптывал, что это не ОН. Кроме того, склонность Киану к подозрительности, его тягостные перепады настроения, когда спокойствие в глазах без видимых причин сменяла мстительная ненависть, отнюдь не приводили Веру в восхищение. Вера поняла, что неуравновешенный мужчина – это худшая из стихий, постигших женщину, и восхищаться здесь особо не чем.

Когда она, вообще, в последний раз восхищалась мужчиной? В двенадцать? В тринадцать? В четырнадцать лет? Во всяком случае, не позже. Далее симпатии и увлечения, безусловно, были, но восхищения или абсолютного доверия она не питала ни к одному. Почему? Нелепый вопрос. И чем старше и разумнее становишься, тем меньше шансов на него ответить. Да и зачем ей ответ? Что она, Вера Ким, станет делать с рациональными объяснениями, получив их? Слияние душ и тел либо есть, либо отсутствует, а по какой причине, не всё ли равно?

Словом, пока Киану битых двадцать минут упражнялся в высокопарностях и отточенном красноречии, Вера не могла сосредоточиться на его блестящем выступлении. И не то чтобы ей не льстило интеллектуальное превосходство оратора, но, с одной стороны, она была поглощена неожиданной внутренней дискуссией и своими колебаниями на его счёт, с другой же – уловила лёгкий привкус демагогии и пафоса, которые не пришлись ей по душе. В общем, ей было немного стыдно за Киану. Поэтому, не желая выставлять напоказ свои чувства перед ним, она прикрыла глаза длинными чёрными ресницами и спряталась за маской смущения...

В конце выступления зал заплодировал, зашумел, и по лицу Киану тут же пробежало наслаждение. Вера же, то ли из деликатности, то ли из почтительности к наукам, предпочла этого не заметить.

* * *

День был ясным и тёплым, ликующее солнце клонилось к закату, со всех сторон веяло простой безмятежной деревенской жизнью. Стоял самый разгар лета. Песчаная дорога, похожая на длинную ленту, поднималась в гору, шла вдоль коричневого хребта, поросшего мелким лесом и вереском, извивалась и убегала в даль, в неведомое время и пространство, уводя от приевшейся обыденности. Затем дорога шла под уклон, ныряла в тоннель, пересекала каменную громаду, выныривала и уже стелилась по равнине.

Вот и горный хребет с лесистыми холмами остался позади, и в голове у Веры всё перепуталась: она сбилась со счёту, сколько часов они едут в машине, какой сегодня день недели, какая широта и долгота, и какая сторона света за окном. Всё это, включая неясное чувство времени, оказалось неважным. Важно было то, что она сидела в новеньком кроссовере рядом с Киану, что он выполнил своё обещание и что они вместе едут к его брату. Важно, что вдоль дороги тянется река, озарённая лимонно-малиновым светом, что в коричневых камышах у берега покачиваются небольшие привязанные лодки, похожие на громадные зелёные лилии, и что вода мерным плеском омывает их узкие бока. От этих беззаботных странствий, доставлявших много радости, от предвкушения предстоящего отдыха у Веры Ким даже закружилась голова, и она прикрыла глаза рукой.

По другую сторону дороги, точно смазанные картины импрессионистов, пронеслись прокалённые солнцем маленькие селения с цветущими садами, каштановые рощи, милые деревянные дома, благожелательные старинные особнячки и церкви, волнистые травы с пасущимися на них овцами, ухоженные фермы и маленькие лесопилки. Разноцветные невысокие домики, близость моря и порта придавали местности особый, почти тропический колорит. Далее, как ярко-белая скатерть, расстелилось настоящее клеверное поле. Вера никогда не видела столько клевера: целые волны трепещущих цветков, мерно раскачивающихся на глазах в своём неповторимом ритме. Пейзаж был так сказочно красив, что походил на ожившую фантазмагорию, в которой таится зерно счастья. Вера Ким ощутила, как внутри что-то сладостно задрожало забило, заклокотало.

Клеверное поле сменили зелёные аккуратные ряды виноградника, отделённые небольшим леском, правда, виноград там не свешивался с веток деревьев так поэтично, как на картине «Итальянский полдень», а буднично рос на жирной и сочной земле. Параллельные прямые ряды молодых виноградных кустиков, без единого лишнего сорняка или непослушной ветки, грелись на летнем солнце.

Вера повернулась и посмотрела на профиль Киану. Покрытый лёгкой испариной, он сидел за рулём с плотно сжатым ртом, безупречно одетый: с заколкой в галстук, запонками на манжетах и отутюженным платком в нагрудном кармане. Он не оборачивался по сторонам, а напряжённо глядел только на дорогу, глядел холодными, не ведающими сомнений глазами. Красота лета бросала ему в лицо своё красочное изобилие, а его, казалось, интересует только шум мощных артерий мотора да цифры горючего на щитке. И ещё могло показаться, что его не волнует окружающая красота, что она от него как будто отскакивает, не успевает проникнуть внутрь, зная, что её всё равно не оценят. Никакая красота не была способна оторвать арифметический мозг Киану от непрерывного труда. Может, потому он и ценил в жизни не красоту и романтичность, а целесообразность и здравый смысл. «Ну и что, он любит только разумное и полезное, – рассудила Вера, – разве это так уж плохо?»

– Останови машину, пожалуйста, – попросила она и попыталась улыбнуться.

Киану тряхнул головой, точно проснулся, и послушно притормозил. Хриплое дыхание двигателя затихло. С лёгкостью небесной бабочки, в сливочно-белом крепдешиновом платье, Вера выпорхнула наружу и остановилась с самозабвенной улыбкой на губах. Кругом царил неестественная тишина, и лишь едва уловимое кудахтанье кур да далёкий приглушённый голос кукушки звучал в ушах отдалённым эхом. Воздух дурманяще парил сладкими благоуханиями, листьями и горячей травой, кедровой смолой и азалиями, скипидаром, одуванчиками, красноватым небом и бегущими по нему облаками, простором и обещанием чего-то невозможного. Лёгкий ветер приятно щекотал кожу и дарил ощущение полной расслабленности. Хотелось вволю отдаться свободе, дышать всей грудью, дышать часто и глубоко, Вере хотелось наслаждаться приятным осознанием этой временной отрешённости.

Река была необычайно прозрачна, сквозь её чистое стекло просматривались очертания дна с мелкой серебристой галькой и пожелтевшими водорослями, похожими на янтарь. От

воды исходило колдовское очарование, настоящий таинственный безмолвный зов, который нельзя было не услышать, невозможно не почувствовать, словно здесь решалось будущее. Охватывала необъяснимая радостная надежда. Если бы не Киану, то Вера сейчас же побежала бы вдоль берега, скинула бы своё лёгкое белое платье, вошла бы в воду без купальника и поплыла бы по её глянцевой поверхности. Если бы не Киану, Вера откликнулась бы на призыв реки, сделала бы этот шаг в будущее, и тишина звучала бы как благословение. Однако девушка понимала, что Киану, как стражник, наблюдает за ней и, само собой, не одобрит такой вольности. От избытка воздуха и запаха трав кружилась голова. Всё, что Вера могла себе позволить в его присутствии, это присесть на корточки, зачерпнуть ладонью горсть песка и мелких белых камней и с лёгкой грустью просеять их сквозь пальцы.

Тени от облаков легко скользили по водной глади, над головой расстился прекрасный бесконечно-синий шлейф. Вера понимала прекрасное, когда встречала его в жизни. Она удивлённо смотрела по сторонам, словно оказалась не на природе, а на другой планете, вдали от рутины каменных мешков, вдали от их суеты и злости, от мелочности и неудовлетворённости. Глубоко и жадно вдохнув тёплый покой, она словно глотнула настоящего напитка забвения, обрывающего связь с повседневностью и уводящего куда-то далеко в мечты.

Правда, уже через мгновение что-то поменялось, и Вера почувствовала себя обычной загнанной лошадью, которую всего лишь увезли подальше от города с его щетиной промышленных труб, увезли от лихорадочной торопливости, от тревоги, ножом вонзающейся меж рёбер, – словом, увезли подальше от промышленного прогресса и благ цивилизации, но очень скоро её опять вернут в обычную жизнь и привычный круг мыслей... Ну что же, таковы заведённые правила.

Взгляд Киану пронзил затылок Веры. Она резко обернулась. Так и есть, он за ней наблюдал. Иногда ей казалось, что он хочет следить не только за её движениями, но и за её мыслями, обнюхивать её одежду в поисках запаха другого человеческого существа, с тем чтобы укорять, потом великодушно прощать, снова укорять и снова прощать. С некоторой опаской она посмотрела по сторонам, словно в её желании оторваться от мира повседневности, в её наслаждении природой крылось запретное удовольствие, которое он бы не одобрил. Рядом с Киану радоваться надо осторожно, чтобы эта радость не была поставлена в вину.

Действительно, Киану так же удивлённо смотрел на Веру, как она на природу. Его немного удивляло её поведение, словно она собиралась сделать что-то невообразимое, как минимум перейти Красное море. Смутно он почувствовал, что в это мгновение Вера отдалась от него, предпочла ему эту реку судеб, эту роковую грань, словно она уже оказалась на другом берегу, и он уже потерял над ней власть, и уже ничего нельзя поделать, и этому уже нельзя воспрепятствовать. Помимо своей воли, Киану разозлился, но тут же понял нелепость этой злости и немного успокоился. Стройные ноги Веры ступали легко и уверенно. Её обнажённые смуглые руки показались ему сейчас удивительно красивыми, а платье, едва открывающее гладкие колени, – чрезмерно коротким. И, несмотря на то, что Вера являла собой верх красоты и изящества, Киану стало овладевать странное нетерпение, поэтому он отвернулся и стал смотреть в другую сторону.

– Как здорово! – прокричала Вера.

– Что здорово? – тихо и сухо переспросил Киану.

– Какие облака!

– Что ты находишь привлекательного в этих пухлых, бестолковых сгустках влаги?

– То же, что и все.

– Кто это – все?

– Ну, я не знаю, поэты, художники... Ки, ведь облака – это вдохновение, мечты, фантазии, надежды, в них слышатся стихи и музыка...

– А мне кажется, ты говоришь глупости, – уверенно сказал Киану, – они слишком переменчивы и непостоянны, следовательно, в этом безмозглom пару нет ни глубины, ни устойчивости.

– То есть предки были глупы? – осторожно спросила Вера, вступаясь за облака.

– Я этого не сказал.

Возникла неловкость. В глубине души Вера не хотела допускать и мысли о том, что её кавалеру вполне может быть достаточно и квадратной гармонии серого параллелепипеда, но...

– Представь себе, что на свете ни души, только ты и я, – не теряя надежду, но уже тише сказала Вера, заметив, что глаза Киану лишены всякого выражения, – мы с тобой первые люди, народившиеся на свет, и с нас начинается отсчёт. Мы должны стать счастливыми сами, расплодиться до неприличия и создать новый счастливый мир. Как тебе? А? Я давно о таком мечтала.

– Три тысячи извинений, – это был снисходительный взгляд взрослого человека на баловство ребёнка. – Я допускаю, Верочка, это чудесная грёза, но нам её не воплотить.

– Почему?

– Ну, во-первых, я должен уделить время своей монографии.

Да, как же это она упустила из виду? Вера знала, что Киану трясся над своей монографией, словно над королевским титулом, способным оторвать его от земли, возвысить над другими и обессмертить. Кроме того, было ужасно обидно, что её романтизм постоянно разбивается о его трезвый взгляд на мир.

– А во-вторых?

– А во-вторых, не забывай, пожалуйста, есть ещё и мой брат Эвальд, и мы к нему едем.

– Ты как всегда прав, дорогой. Но ты никогда мне о нём не рассказывал. Какой он, твой брат?

– О! – Киану присвистнул. – Прямая противоположность мне.

– То есть?

– Ты любила в детстве сказки?

– Да.

– А какая сказка была твоей любимой?

– Про лису с девятью хвостами.

– Не слышал о такой.

– Это корейская сказка. Хвосты делали лису неуязвимой.

– Ну ладно, – согласился он. – А вот теперь представь себе, что в детстве любимой книгой Эвальда была Библия. Её он читал с утра до вечера, как захватывающие детские сказки, а отдельные места знал наизусть.

– А ты?

– Меня она особенно не трогала, меня больше увлекали арифметические действия, математические кроссворды, числовые головоломки, формы движения, законы материи и всё такое. Это моя голова воспринимала лучше. Мир фантазий не просто не завораживал меня, для меня он был наглухо закрыт. Потому я счёл себя взвешенной частицей, решил не витать в эмпиреях, а уехал грызть гранит науки и ломать об него зубы. Эвальд же не горел таким желанием и предпочёл сельскую жизнь и душевный покой. В итоге каждый стал тем, кем и должен был стать.

Незамедлительно и довольно красочно Вера представила себе без времени располневшего святого отца-богомольца, насквозь пропитанного религиозностью, окружённого дымком ладана, в длинном облачении, с блаженным взглядом и требником в руках, игнорирующего всё земное и то и дело призывающего лишь исповедоваться да причащаться. От перспективы такого отпуска лицо Веры невольно сморщилось.

– А как долго мы у него пробудем?

– Пока не осточертеем, и он сам не укажет нам на дверь, – Киану изящно усмехнулся, заметив её реакцию.

– Я серьёзно.

– Верочка, у нас впереди новенький нетронутый отпуск. В университете каникулы. Никаких студентов и курсовых проектов, никакого преподавания и выпускных работ. Представь себе, целых шесть недель мы вольны поступать как нам вздумается.

– Замечательно, – сдержанно сказала Вера.

– Только... три тысячи извинений, но тебе, пожалуй, следует переодеть платье, – Киану подошёл ближе и стал вглядываться в её глаза, словно гипнотизировал.

– Зачем?

– Оно коротковато.

Брови Веры удивлённо взметнулись, однако она спросила профессиональным голосом медсестры, привыкшей ухаживать за капризными больными:

– Тебе что, не нравятся мои ноги?

– При чём здесь твои ноги?

– А при чём здесь длина платья?

– Приличия.

«Да, – грустно подумала Вера, – какой там клевер, ей-богу? Вот ведь упрямец. Его глаза не видят ничего из того, что творится вокруг, но не теряют бдительности и не упускают малейшей мелочи, если она касается меня». Выражение лица Веры резко изменилось, как у ребёнка, которому не дали досмотреть чудесную волшебную сказку.

– Разве я неприлично выгляжу?

– Видишь ли, мой брат – одинокий отшельник, он пока не сунул голову в священную петлю. Поэтому...

– Поэтому что?

– А если он в тебя влюбится? Что тогда?

– Что за нелепость? Но предположим. И?

– И я буду ревновать, – в его голосе прозвучало приглушённое недовольство.

– Киану, не говори таких ужасных вещей, – как можно спокойнее сказала Вера, а про себя подумала: «Если тебе нужен повод для самоистязания и ты его ищешь уже сейчас, то при чём здесь я?»

– Как бы то ни было, дама должна быть скромна, – его тон был сухим и требовательным. – Прости мне мой безобидный предрассудок.

Что поделать, Киану любил заострять внимание на пустяках и придавать им самое серьёзное значение. Блаженство исчезло с души вместе с бодрой уверенностью в возможном счастье. Пейзаж тут же сделался далёким и не таким поэтичным, а плещущая река превратилась в глетчер. «Ладно, – в тысячный, в миллионный раз подумала Вера, – ко всему на свете привыкают». Совершенно искренно Вера полагала, что ко всему на свете можно привыкнуть, даже к самому, казалось бы, губительному, и не только привыкнуть, но и полюбить. Первая сигарета вызывает тошноту и отвращение, а по прошествии лет становится незаменимым утешением; поначалу мозг протестует против водки, ожирения, диет, костылей, непосильных нагрузок, несвободы, нищеты, но потом ко всему привыкает. В действительности же Вера сама не знала, чего она хочет от Киану: приручить его, противостоять ему, держать оборону, подстраиваться, пробудить в нём доверие или же окончательно расстаться. Всё зависело от её личного выбора. Или почти всё.

– Поехали, – сказал Киану, – мы уже недалеко от дома, осталось всего ничего.

Ссутулив плечи и шаркая подошвами, раздосадованная Вера поплелась в машину, как старуха, страдающая ревматизмом, а чудесное белое платье стало походить на больничный халат.

* * *

Автомобиль переехал реку и обогнул небольшой холм. Шоссейную дорогу практически сразу сменила просёлочная. Брат Киану жил почти на склоне холма. От дома и до самой реки расстились его виноградники, блестящие под солнцем и отгороженные от местного селения небольшим лесом.

Киану уверенно съехал на маленькую боковую дорожку, засыпанную гравием, сбавил скорость, пересёк железные распахнутые ворота и остановился у двухэтажного причудливого строения с большими четырёхстворчатыми окнами.

– Ну вот мы и на месте, – сказал Ки, и лёгкая улыбка тронула его губы.

Сердце же Веры, напротив, взволнованно всколыхнулось, как у ребёнка, которого впервые привезли сдавать экзамен, а он не знает ни одного ответа и от этого чувствует внутреннюю панику, но всё же как-то держится.

Окна машины слепил такой яркий, радостный солнечный свет, что смутные опасения стали понемногу отпускать. Вера приняла равнодушный вид, но тень беспокойства всё же промелькнула на её лице. Интересно, понимает ли Киану, как она сейчас волнуется? Или ему это в голову не приходит, или же он сам в избыточном напряжении и чувствует нечто подобное? Зачем они вообще сюда приехали? На самом деле Вера боялась этого знакомства, ровно столько же, сколько и хотела его.

В этот момент молодой загорелый парень с большими светло-голубыми глазами, ямочками на щеках и выгоревшими на солнце волосами выбежал им навстречу, замахал руками и закричал:

– Салют обществу почтенных учёных! Как хорошо, что приехали!

Пока Вера отыскивала дверную ручку, парень подлетел к машине, открыл дверцу и, придерживая её одной рукой, другую протянул Вере. Не дожидаясь, когда его представят, он сказал:

– Эвальд.

На одно мгновение Вера вежливо коснулась его руки и вышла из машины. Парень стоял против солнца и выглядел совершеннейшим юнцом, чем ужасно смутил Веру. Она не поверила своим глазам. Оказывается, это и был хозяин. Вместо располневшего, окутанного религиозной таинственностью святого отца в рясе перед ней стоял стройный мужчина, почти юноша. Эвальд был ровесником Киану, но казался гораздо моложе. Обветренные щёки, потёртые джинсы, сандалии на босу ногу, льняная рубаха неопределённого цвета с длинными рукавами и без пуговиц на манжетах. Помимо воли, Вера ненадолго задержала на нём взгляд, он показался ей настоящим воплощением мужской красоты и энергии. Кроме того – глаза! Таких глаз Вере никогда не доводилось видеть. На первый взгляд своей синевой они как две капли воды походили на глаза Киану, но если присмотреться, то это были совершенно иные глаза. Сказать, что они были прекрасны – не сказать ничего. Необыкновенного цвета – не просто голубые, а цвета итальянского неба на древних полотнах, такие глаза не просто сбивают с толку женщин, а превращают их в трепетных дев, в рабынь. Глядя на Эвальда, Вера испытала нечто похожее на восторг, который усиливался от неожиданности.

– Приветствую, – обронил Киану, выбираясь из машины, оправляя помятый костюм, протягивая брату руку и бросая вокруг себя нарочито небрежный взгляд.

– Сколько лет, сколько зим! Рад, что ты вспомнил о моём существовании. Почему не сказал, что приедешь не один?

– Хотел сделать сюрприз. Знакомься, это Вера.

Эвальд с любопытством на неё посмотрел. Разумеется, Вера немного покраснела, а почувствовав это, так смутилась, что смогла только безмолвно кивнуть головой.

– Какими судьбами?

– Да вот, захотелось подышать воздухом родных мест. А ты всё такой же приткий. Ну и видок!

– Зато у тебя унифа что надо. При полном параде, как я посмотрю, можно прямо на учёный совет, – с добродушной усмешкой сказал Эвальд, и солнечные лучи заиграли на его губах.

– Напротив, чувствую себя студентом, приехавшим на каникулы.

– Надолго?

– Пока не прогонишь в три шеи.

– Вот тебе на. Это и твой дом, если не забыл.

– Дом? – наигранно удивился Киану. – Я возвращаюсь через сто лет, и что я вижу? Ты всё-таки восстановил эту рухлядь?

Стараясь держаться непринуждённо, Вера стояла у левого крыла машины. Нужно ли говорить, что она была искренне рада увидеть брата Киану, но одновременно и взволнована, и растрогана. Правда, ей показалось, что братья поздоровались слишком машинально, что они всего лишь смущённо пожали друг другу руки, без тепла и чувствительности, которые обычно говорят о близости людей. Возможно, они не умели выразить своё душевное расположение, а может быть, никакого расположения и не испытывали. И всё же Вера заметила, что Эвальд ведёт себя почти естественно, а Киану старается выглядеть счастливым и внушительным перед братом.

– Как добрались?

– Превосходно.

– Устали с дороги? – спросил Эвальд и тут же сам себе ответил: – Конечно, устали. Сейчас я вас освежу. Проходите, осматривайтесь, а я пока по хозяйству.

Пытаясь отыскать в себе хоть немного уверенности, скованная неловкостью Вера вежливо посмотрела по сторонам. Дом был несовременный и не слишком изысканный, но огромный, наполовину деревянный, наполовину облицованный искусственным камнем, с овальной верандой, выбеленными известью стенами, покрытый покатою шапочкой красной черепицы. От дома открывался прелестный вид на виноградники. Вниз по склону ширился простор, раскинувшиеся там шелковистые лужайки доходили до самой реки, чей всплеск, казалось, слышался и здесь. Вдали виднелось каменное здание винодельни с широкими железными воротами, а ещё дальше – река с проплывающей и немного дымящей буксирной баржей. С южной стороны был высажен огромный фруктовый сад, где яблоневые деревья сплошь покрывали наливающиеся плоды, с северной же стороны дом сомкнутым строем окружали старые каштаны. Лёгкий ветерок гонял облака, шевелил листья деревьев и волосы Веры. Стало немного легче, дурацкая скованность отступила, хотелось выглядеть сдержанной и ровной. Чуть ли не впервые в жизни Вера раздражала саму себя, и, чтобы отделаться от этого раздражения, она начала разглядывать веранду.

Веранда с фасадной стороны дома делилась на две части: застеклённую и открытую. Деревянные колонны открытой веранды напоминали дорические, пол устилал чёрно-белый тротуарный плитняк, выложенный в шахматном порядке. Словом, деревенский особняк, но не без изюминки. Тут же стояла плетёная уличная мебель, клумбы перед домом пестрели цветами, дорожки засыпаны гравием. В глубине двора возвышалась постройка с решётчатыми окнами, похожая на дровяной сарай или кладовую для всякой утвари, у ворот припаркован довольно старый внедорожник с откидным верхом, больше похожий на фургон для перевозки домашнего скота, чем на автомобиль для комфортабельных поездок.

Возвратившийся с двумя стаканами белого вина Эвальд, видимо, уловил удивление, написанное на лице Веры, и пояснил, что в такую машину удобно загружать ящики с вином. В очередной раз Вера смутилась и стала ковырять гравий носком туфли.

После все направились в дом. Вино оказалось непривычно кислым и отдавало пробкой, но Вере было не до мелочей. Она взошла на веранду первой, вдохнула тот особый запах спокойствия, что хранят лишь старые деревянные постройки, и замычала про себя от удовольствия. Небольшая с виду веранда оказалось довольно просторной, светлой, уставленной фикусами в кадках, бегониями, орхидеями в горшках, лимонной геранью, комнатными розами и ещё множеством цветов, названия которых Вера не знала. Солнце радостно подсвечивало пыль на стёклах и на сочных зелёных листьях разросшихся фикусов. Из распахнутой двери навстречу Вере, лениво потягиваясь, вышли два старых кота с царскими повадками. Она протянула было руку, чтобы погладить их вздрагивающие уши, но коты равнодушно посмотрели на неё, отвернулись и уселись у ног Эвальда, как бы демонстрируя, кто в доме хозяин.

Без нужды пощупав в кармане платья зеркальце, Вера спросила:

– Как их зовут?

– Мистеры Иксы, – ответил Эвальд.

– Что, обоих сразу?

– Да, – запросто ответил он. – Когда-то, будучи котятами, они так славно наперебой мурлыкали, что их хозяйка... – он почему-то смутился, будто сказал что-то не то. – В общем, это Мистеры Иксы.

– Они милые, – вежливо ответила Вера, не зная, куда девать глаза.

За верандой располагался выбеленный огромный холл со множеством закрытых дверей, лестница на второй этаж и распахнутая двойная дверь, ведущая в большую, хорошо обустроенную кухню. Чистая, как стекло, кухня пахла сушёными фруктами, свежей зеленью и кофе. Пожилая тощая женщина, покойницкого вида, в строгом коричневом штапельном платье и туфлях без каблуков, наливала там чай. Облезлые коты уже были здесь и, как старая пара носков, обвивали её ноги. Одной рукой женщина держала чайник, а другой придерживала крышку. Увидев входящего Киану, женщина заметно побледнела, хотя, казалось бы, бледнеть было уже некуда, замерла, будто уснув, и не замечала, что заварка течёт через край чашки прямо на дубовый стол. Через мгновение женщина очнулась, выпустила чайник из рук, и лоб её тут же сложился множеством некрасивых складок. С труднообъяснимым недоверием она посмотрела на Веру, неуклюже повернулась и, не выразив ни малейшего сожаления по поводу своей неловкости, вышла из кухни, видимо предоставив лужицу на столе заботам хозяина. Коты лениво поднялись и поплелись за ней. Воцарилась гробовая тишина, воздух как будто слегка накалился, братья словно чего-то испугались и поэтому старались не смотреть друг на друга. Первым подал голос Эвальд:

– Вера, это Ида... – хватая тряпку и немного смутившись, сказал он. – Она робка и малахольна, но ничего, она привыкнет к вам. У нас тут, понимаете ли, своя провинциальная галантность...

Вера недоумённо пожала плечами, сомневаясь, что такая странная особа сможет к ней привыкнуть.

Настало время позднего обеда или раннего ужина. Стол накрыли на улице. В тени каштановых листьев, под небольшим тентом хозяйничал Эвальд, сервируя стол. С подносом в руках на улицу вышла та самая тощая кухарка в штапельном платье. Бледные растрескавшиеся губы её, хоть и были плотно сжаты, но всё равно заметно дрожали. Смотрела она пустыми, ничего не отражающими глазами. Со смутной жалостью Вера отметила, что это самые странные глаза, которые ей довелось видеть, хотя в больнице она насмотрелась всякого.

– Здравствуйте, – наконец сказала женщина, и даже не сказала, а как-то простонала.

Это был самый настоящий стон, вырвавшийся из груди с непонятной, необузданной болью. Вере показалось, что приветствие Иды предназначалось только Киану, но на всякий случай она кивнула головой и тоже поздоровалась. Киану смутился и ушёл в машину доставать

вещи. Эвальд отправился за ним. Вера же сломила своё внутреннее сопротивление, набралась храбрости и без единого звука стала помогать Иде накрывать на стол.

* * *

– Что за прелестная Гретхен? – Эвальд по-свойски хлопнул Киану по спине. – Колись, где ты нашёл это экзотическое чудо?

Киану сделал вид, что не совсем понял вопрос. Он наклонился, поправил шнурок на своём ботинке, посмотрел по сторонам, вытащил из багажника два разномастных чемодана, стонущих под тяжестью уложенных в них вещей, достал кожаную сумку, затянутую ремнями, и лишь после этого спокойно ответил:

– Вера работает медсестрой в больнице. А что?

– Хм, – недоверчиво ухмыльнулся Эвальд, легко подхватив один из чемоданов. – Теперь, братец, ты отдаёшь должное не только студенткам-третьекурсницам, которые никогда не стараются, но и медицинским работникам?

– Это не то, о чём ты подумал. Это совсем другое, – сказал Киану сдавленным голосом, показывавшим, что ему неловко обсуждать эту тему с братом. – Я собираюсь сделать ей предложение.

– Ого, не узнаю тебя! Ты стал сентиментальным или теперь тебя привлекают игры в несвободу?

– Никаких игр. Всё более чем серьёзно.

– Ладно, тогда присмотрюсь к ней повнимательнее.

– Только прошу, не оценивай её в известном смысле, соблюдай декорум, – предостерег брата Киану.

– Я же тебе не Казанова какой-нибудь. Ты о чём? – слишком неестественно удивился Эвальд.

– О том... – голос брата звучал раздражённо. – Сам знаешь, о чём... Веди себя прилично...

Киану был мужчиной и понимал, что, несмотря на всю свою сдержанность и честность, Эвальд тоже был обычным здоровым мужчиной, а это племя смотрит на любую молодую красивую женщину, неизбежно задаваясь вопросом, насколько она хороша в любви.

– Слушай, братец, я не ущемляю твои права жиголо... – запнулся Киану, – но... Словом, я тебя предупредил.

– Итак, малышка исцеляет физические недуги?

– Ну, типа того.

– Надеюсь, она, как всякая приличная дама, носит в сумочке флакончики с мышьяком, чтобы травить им надоедливых любовников?

– Три тысячи извинений, – тихое бешенство постепенно завладевало Киану. – На что ты намекаешь?

– Ладно-ладно, я пошутил, пробу Марша перед завтраком тебе делать не обязательно.

– У тебя отвратительное чувство юмора, братец. Или ты стал женоненавистником?

– Вот тебе на! Я? С чего бы? Ни в коем случае! Женоненавистники – это те, кто не пользуется успехом у женщин. При чём же здесь я? – он белозубо улыбнулся.

У Киану немного отлегло от сердца, а в сердце Эвальда, наоборот, заскреблось что-то вроде раздражения, а возможно, и банальной зависти.

Почему слова брата так задели его за живое? Брат привёз в дом красивую девушку, ну и что? Сам-то Эвальд жениться не собирался. Вероятно, задели потому, что он устал вкладывать свои нерастроченные чувства в виноделие или... Ему бы радоваться за брата. Так он вроде и радуется, но, положив руку на сердце, не слишком искренно.

– Вот увидишь, она будет моей женой, – уверенно сказал Киану.

– Будет, – с довольно странной интонацией произнёс Эвальд, – если согласится. Знаешь, иногда женщины отказывают мужчинам, а иногда бывает и наоборот: мужчины бросают женщин и тем самым преграждают путь собственному счастью, – в его голосе послышалась гадливость.

– Бывает, – сухо согласился Киану и взглянул на брата скептически.

– Но тебе-то вряд ли такое знакомо, потому и толковать не о чем.

– Ну, а ты по-прежнему один?

– Исключительно.

– Почему?

– Видимо, жду совершенства, которого не существует на свете.

Недовольные друг другом, братья вернулись под тент в тень каштанов. Стол был накрыт. Белая как полотно Ида, сославшись на головную боль, отказалась от обеда. Вера промямлила какие-то слова сожаления, предложила аспирин и выразила надежду по поводу скорейшего выздоровления, но, к своему смущению, не могла не порадоваться такому удачному стечению обстоятельств. Ида почему-то не нравилась Вере.

В это самое время во дворе появился невзрачный, немного неуклюжий старичок в немислимой одежде. Он приближался уверенной мешковатой походкой.

– Вера, знакомьтесь, – Эвальд широко улыбнулся, и на его щеках вновь заиграли ямочки, – это друг нашей семьи, викарий отец Родион. В здешней церкви он ведёт свои проповеди.

Пред девушкой стоял невысокий сухонький мужчина в зрелых годах. Теперь стало понятно, что на нём надета вполне пристойная длинная чёрная ряса, поверх неё тёплая верблюжья куртка, а серые фланелевые брюки выглядывали из-под края. Лицо старика заметно шелушилось, выпирал кадык, из ноздрей огромного носа торчали волоски, бесцветные глаза были полны и покорности, и чудаковатости одновременно; в руках он держал карманный библиодрук.

– Ох и долго же тебя не было, – первым делом старик обнял Киану и дружески похлопал его по спине. – Где же ты скитался-то, сын мой?

– Искал счастья.

– Нашёл?

– Полагаю, да. Вот оно, – Киану указал на Веру, – перед вами.

– Моё почтение, – поклонился неказистый старичок. – Вы уж не обессудьте, у нас тут всё по-свойски. Я давно тут живу, и люблю этот дом, как если бы он был мой собственный, и мальчиков люблю, как своих детей. Бог даст, полюблю и вас.

На ужин были приготовлены бифштексы с кровью, обсыпанные немолотым чёрным перцем, рассыпчатый картофель, соус из сливок, чеснока и розмарина, бисквит, пропитанный рислингом и взбитыми сливками, и настоящий домашний хлеб.

– Сегодня хлеб с коринфскими плодами, – гордо провозгласил Эвальд, высоко подняв корзинку.

– Говори проще, с оливками, – тут же вставил святой отец.

– Точно! Ида специально испекла его к вашему приезду, – сказал Эвальд Киану. – Она начала приготовления в доме, как только ты известил нас о своём приезде. Намывала, снимала чехлы с мебели, месила тесто, так что прошу, прошу. Чем богаты, тем и рады.

– Ого! – присвистнул Киану, потирая руки, – если ты собираешься нас потчевать в стиле Гаргантюа, то это будет кстати. Мы чертовски голодны, почти как волки.

Все уселись за стол. В тени листвы играли солнечные зайчики, осыпавшиеся каштаны шуршали под ногами.

– Мне всегда было приятно обедать с вами, – сказал Киану.

– Аминь, – ответил викарий, двигая вставной челюстью.

Ужин начался вполне спокойно: лёгкая светская болтовня, не требующая усилий. Вокруг стояла вечерняя тишь, земля благостно пахла летом. В самых общих фразах поговорили о доме, вспомнили родителей, коснулись на редкость чудесной погоды, поговорили о потеплении климата и о прочих безопасных банальностях. Потом Киану в нескольких словах обмолвился о карьере в жизни мужчины, не слишком вежливо – о том, что женщина создана для уюта в доме и что ей не место в деловых сферах.

– Какой хлеб! – воскликнул отец Родион. – Чудо! Никогда вкуснее не ел! Вера, попробуйте!

Хлеб действительно был чудесный, нарезанный большими ломтями, с твёрдой корочкой снаружи и ароматной мякотью внутри, испещрённой тонкими зелёными кружочками оливы. Правда, ели все без особой охоты, хотя, казалось бы, на свежем воздухе должен был разыгаться аппетит.

Вера по большей части молчала, довольная тем, что на неё не возлагали тяжесть обязательной беседы. Потом она всё же немного осмелела и рассказала, что они с Ки видели по дороге, какие страны проезжали, в каких ресторанах обедали, по каким мостам и набережным гуляли. Мужчины слушали её, но всё же она чувствовала себя не в своей тарелке. Девушке казалось, что все трое не просто за ней наблюдают, а пристально рассматривают. Киану, видимо, выискивал промахи в её поведении, чтобы потом устроить очередную сцену, а его брат и святой отец, наоборот, смотрели на неё светлыми лицами, как люди обычно разглядывают понравившееся полотно или ясное утро. Когда она встречалась с ними взглядом, глаз они не отводили, а лишь вежливо улыбались ей, как давнему другу. Разумеется, она ничего не знала ни о них, ни о здешней жизни и не успела приобрести их расположение, но воображение подсказывало ей, что она попала к хорошим людям, и прониклась к ним симпатией.

Постепенно запас общих вопросов исчерпался, безопасный разговор ни о чём, который ничем не грозил, окончился, и Киану спросил брата:

– Ну, а как винодельня?

– Одно скажу – налоги... – Эвальд беспомощно развёл руками. – Шкуродёры... хоть караул кричи.

Эвальд устало махнул рукой, разлил вино по бокалам, и, глядя на викария, сказал:

– Ваше здоровье, отец мой.

Из-под полуопущенных век Вера следила за каждым движением Эвальда. Бессознательно ей хотелось наблюдать за ним. Нельзя было не заметить, что хоть жизнь и клочкотала в Эвальде, но движения его были безмятежны и размеренны, а глаза смотрели с невозмутимым спокойствием, как это бывает лишь у людей, живущих и работающих на земле. Заметив на его широком загорелом запястье крохотную платиновую фигурку мадонны, Вера опустила глаза.

– Ну, а ты как? – в свою очередь спросил Эвальд брата.

– Заканчиваю монографию. Далее собираюсь баллотироваться во власть, – увесисто ответил Киану.

– О-о-о, – присвистнул Эвальд и сделал большой глоток, – узнаю птицу... Примкнёшь к сборщикам налогов?

Киану отодвинул тарелку, не спеша вытер рот салфеткой и вежливо спросил:

– Тебе не нравится платить налоги?

– Не нравится? – переспросил Эвальд, будто не расслышал. – Вот те на! В своё время, братец, Создатель не придумал для людей ничего умнее неизвестности, безропотного подчинения и, разумеется, жертвы. Без жертв мы никуда. Жертвуй всем, отдай всё, порви на себе последнюю рубаху и докажи таким образом свою преданность. Ой, прости меня, Господи, – он взвёл глаза к небу, перекрестился, на всякий случай поплевал через левое плечо и довольно едко продолжил: – А власть, любая власть в любом государстве, она ведь тоже не промах, она

туда же лезет, на одну ступень с Создателем. Она ведь требует от людей того же самого: бесконечного жертвоприношения, подчинения и при этом так же, как и Он, – Эвальд поднял вверх указательный палец, – предпочитает держать всех в неведении.

– Ладно, – отец Родион с энтузиазмом поднял бокал, чтобы унять нарастающее напряжение за столом и улыбнулся. – Давайте осушим, если мне будет позволено так сказать, осушим, посмотрим друг на друга и возрадуемся. Когда незнакомые люди или те, кто давно не виделся, садятся за стол, вино, дети мои, сближает, и сближает оно быстрее, чем разум. А это важно. От вина проблемы исчезают, а от разума они только прибавляются.

– Отец Родион у нас специалист и по части вина, и по части небесного этикета, – шутливо сказал Эвальд.

– Если не секрет, сколько вам уже стукнуло, отец Родион? – спросил Киану. – Что-то я запамятовал...

– Возраст, доложу я вам, молодые люди, имеет значение лишь в детстве, – смакуя вино маленькими глоточками, сказал святой отец, – в юности, ну, может, ещё в зрелости, но когда ты состарился (даже если это произошло в сорок пять), когда состязание с временем окончилось, возраст уже не играет никакой роли. Кому есть дело, сколько вам – пятьдесят три или шестьдесят четыре? Да хоть все семьдесят два – окружающим все равно. Молодые быстро старятся, потом приходят следующие молодые и опять старятся, потом следующие, опять и опять, а ты всё живёшь и живёшь. Большая часть жизни, детки мои, проходит в старости.

Раскрасневшийся и помолодевший отец Родион почти ничего не ел, но достал из недр своей рясы длинную коричневую сигару, обрезал её конец маленькой стальной гильотинкой и закурил. Его руки с прожилками и бородавками, усеянные старческими пятнами, словно забрызганные горчицей, немного дрожали.

Хотя Вера и была основательно утомлена и издёргана, но наблюдать за неказистым стариком было довольно интересно, во всяком случае, не менее интересно, чем за братьями. Она уже обратила внимание, что он вёл беседу с паузами, давая себе время на осмысление.

– Вот отец Родион без конца утверждает, – проговорил Эвальд, – что пока мы не превратились в частицы неодушевлённой материи, надо бы как следует продегустировать винца.

– Признаться по чести, так оно и есть, – охотно согласился святой отец, – и я ещё раз поспешу вам это повторить. В наше время любое пойло носит титул вина (хотя вполне могло бы обойтись и без этого титула), но мы-то с вами, слава богу, знаем, что такое настоящее вино. Вино, – он торжественно поднял свой бокал и посмотрел, как сквозь него просвечивает солнце, – это напоминание о том, что Бог любит нас. Вино – это благословенный дар виноградной лозы, и не ценить сей дар – большая неосмотрительность. Это же ясно, как божий день, дети мои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.